Б. И. ВАЙНБЕРГ

К ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ XIX в. В ХОРЕЗМЕ

Кочевой и полукочевой образ жизни большинства туркменских племен вплоть до установления Советской власти в Туркмении послужил причиной того, что в дореволюционной, а иногда и в советской литературе отрицалось существование туркменской народной архитектуры [1]. Юрта часто считалась единственным жилищем туркмен. Появление у них оседлого жилища некоторые исследователи относили к периоду 1920—1930-х годов [2]. В публикациях дореволюционных путешественников и исследователей Туркмении все же иногда, хотя и довольно скупо, описываются имевшиеся у туркмен, наряду с юртами, примитивные глинобитные постройки, «глинобитные ограды, около стен которых внутри расположены крытые конюшни, хлевы и загоны для скота; внутри такого двора ставится кибитка хозяина» [3]. Постройку их эти авторы чаще всего приписывают узбекским, таджикским или персидским мастерам. Южно-Туркменистанской археологической и Хорезмской археолого-этнографической экспедициями были обнаружены и исследованы памятники народной туркменской архитектуры, в том числе и оседлые жилища туркмен [4]. Довольно развитая и своеобразная архитектура была обнаружена не только у тех туркменских племен, которые издавна жили на одной и той же территории и занимались в основном оседлым земледелием

---

[1] А. Вамбери, Очерки Средней Азии, М., 1868, стр. 106; П. Иванов, Өj — кибитка, «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 47, сл.; В. Л. Воронина, Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951, стр. 126, и др.

[2] П. Иванов, Основные типы жилища туркмен в переходный период, «Туркменоведение», 1930, № 11, стр. 7—9; его же, Хозяйственные приспособления туркменского жилища и дворовые постройки туркменского двора, «Туркменоведение», 1930, № 12, стр. 10—12.

[3] «Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Составлено Ген. штаба кап. Гиршфельдом, переработано нач. Аму-Дарьинского отд. ген.-майором Галкиным» (в дальнейшем цит.: Гиршфельд и Галкин, Указ. раб.), ч. II, Ташкент, 1903, стр. 124; см. также Мак-Гахан, Военные действия на Оксусе и падение Хивы, М., 1875, стр. 262; И. Авдакушин, Санитарный обзор Аму-Дарьинского отдела с 1887 по 1891 г., «Материалы по характеристике Сыр-Дарьинской области», 1882, стр. 12; Е. Марков, Россия в Средней Азии, СПб., 1901, стр. 274; А. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь, Асхабад, 1900, стр. 39—40, и др.

[4] В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Архитектура туркменского народного жилища, «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» (в дальнейшем цит. ЮТАКЭ), т. III, М., 1953; В. А. Левина, Поздние туркменские поселения и жилье южного Туркменистана, Автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1954; Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958; Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в., «Изв. АН ТССР», 1957, № 2, стр. 103—105; их же, Покинутые туркменские поселения XIX века в Хорезмском оазисе, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР» (в дальнейшем цит. КСИЭ), вып. XXVIII, 1958, стр. 41—45; Б. И. Вайнберг и Г. С. Костин, Гоклен-медресе, КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 100—109.

(али-эли, анаули, мурчали, нухурли), но даже у таких полукочевых в основном племен, как иомуты в Хорезме и теке в южной Туркмении и Хорезме. Теке и иомуты, прочно оседая на землю и развивая земледельческо-скотоводческое хозяйство (первые — в районе Атрека и Мервского оазиса, вторые — на западных границах Хорезмского оазиса), создавали оседлые жилища.

На большой пустынной территории левобережного Хорезма — в междуречье старых русел Дарьялыка и Даудана почти вплоть до Сарыкамыша — до сих пор сохранились полуразвалившиеся туркменские усадьбы и целые селения XIX в. К югу от Даудана они встречены в урочище Уаз. Изредка одинокие развалины таких же построек встречаются и среди колхозных полей к северу от Дарьялыка (до Айбугирской низменности). Результаты исследования этих поселений и излагаются в настоящей статье.

Архитектурно-археологическое обследование развалин туркменских построек и наряду с этим изучение разнообразных источников — данных хивинских хроник и архивов [5], описаний путешественников и исследователей прошлого века [6], картографического материала [7] и этнографических сведений, полученных от стариков-туркмен современной Ташаузской области Туркменской ССР [8],— позволили довольно определенно очертить границы расселения туркмен на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма в XIX в. и выяснить историю многочисленных туркменских поселений.

Туркмены, издавна тяготевшие к северо-западным районам Хорезма, с начала XIX в. получили возможность поселиться на окраинах Хивинского ханства, так как мощные прорывы амударьинских вод в старое русло Дарьялык позволили оросить здесь большие массивы старых залежных «земель древнего орошения». Значительная часть этих вновь освоенных земель была роздана в виде атлычных держаний за нукерскую службу туркменам [9], с конца XVIII в. ставшим военной опорой утвердившейся в Хивинском ханстве Кунгратской династии.

На всей этой обширной территории от Айбугира на севере до Заунгузских Кара-Кумов на юге и от чинка Устюрта и Сарыкамыша на западе до культурной полосы Хивинского ханства на востоке поселились турк-

[5] Хроники Муниса и Агехи использованы по переводу в кн.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (в дальнейшем цит. МИТТ), т. II, стр. 323—638; извлечения из хроники Баяни в русском переводе даны в книге Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней», Ташкент, 1957, гл. VII; П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940; Ю. Э. Бregель, Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в. (по материалам архива хивинских ханов), Сб. «Страны и народы Востока», М., 1959.

[6] Наиболее ценны следующие описания: И. Г. Данилевский, Описание Хивинского ханства, «Записки Русского географического об-ва», кн. V, СПб., 1951; Гиршфельд и Галкин, Указ. раб.; А. И. Глуховской, Пропуск вод р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море, СПб., 1893; А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г., «Записки РГО по отд. географии», т. IX, СПб, 1881.

[7] Из картографического материала наиболее ценна карта 1905 г., приложенная к книге Лобачевского «Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район», Ташкент, 1912.

[8] В 1955—1956 гг. поселения туркмен XIX в. в урочище Уаз и в районе Кандумкалы изучала Г. П. Васильева, ею же в течение ряда лет собран большой этнографический материал о расселении туркмен в XIX в. на территории современных Куня-ургенчского и Ленинского районов. В 1957 г. отряд Хорезмской экспедиции под руководством автора настоящего сообщения специально занимался изучением туркменских поселений XIX в. по Дарьялыку и в урочище Уаз, причем, наряду с архитектурно-археологическим обследованием памятников, был собран значительный историко-этнографический материал по изучаемым районам.

[9] Ю. Э. Бregель, Землевладение у туркмен в Хивинском ханстве в XIX в., «Сов. востоковедение», 1957, № 3, стр. 123—137. Атлык (от слова «ат» — конь) — земельный надел, давался ханами туркменам за военную службу. Подробнее см. в указанной статье.

мены, в основном иомуты подразделения байрам-шали (родовые подразделения — салак, окуз, ушак, орсукчи) и часть иомутов подразделения карачока, или шериф-джафарбай (родовые подразделения — коджук, машрык, бага, бехельке). Лишь изредка встречаются поселения других туркменских племен: емрели, карадашлы, теке, сакар, чоудор.

В 1850-х годах, в период иомутского восстания, а затем вплоть до прихода русских туркменам описанных районов приходилось вести жестокую борьбу с ханами за землю и воду. Чтобы подчинить непокорных туркмен, ханы строили заградительные плотины на протоках, питавших водою Дарьялык, и таким образом лишали туркменские поля воды. И хотя туркмены часто разрушали ненавистные плотины, приток воды в эти районы непрерывно уменьшался и к концу XIX в. совсем прекратился.

В течение всей второй половины XIX в. туркмены использовали все прорывы амударьинских вод в Дарьялык (как образовавшиеся в результате разрушения плотин, так и немногочисленные естественные прорывы) для того, чтобы продолжать заниматься земледелием на освоенных землях, и упорно, до последней возможности держались за созданные ими оседлые поселения.

Первые описания покинутых туркменских поселений XIX в. в Хорезме приведены в работах Б. В. Андрианова и Г. П. Васильевой [10]. Типология поселений и жилищ в этих работах неточна и неполна, так как авторы ее располагали еще небольшим материалом, полученным в результате первых полевых исследований 1955 г. Сплошное обследование покинутых туркменских поселений XIX в., проведенное в большинстве районов на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма в 1956 и 1957 гг., позволяет в настоящее время пересмотреть предварительные заключения и дать более точную и полную типологию оседлых туркменских поселений XIX в. в Хорезме.

На территории «земель древнего орошения» левобережного Хорезма, освоенных туркменами в XIX в., бытовали три типа поселений: укрепленные родовые (родоплеменные) поселения (сенгир, кала); рассредоточенные сельские поселения так называемого «хуторского» типа (оба́) и торгово-ремесленные поселения (базар).

Укрепленные родовые поселения

Поселения этого типа были основаны в периоды обострённых отношений с соседями (чаще всего казахами) или с ханским правительством. Большинство таких укреплений встречается на западной окраине Куня-Ургенчского района. Близ чинка Устюрта, откуда в начале XIX в. постоянно нападали отряды казахской феодально-племенной знати [11], сохранились развалины ряда иомутских укреплений. Из них Караул-кала, Эрез-кала и Чардере принадлежали иомутам родового подразделения салак, Кемки-кала — подразделению орсукчи кемки [12], Коджук-кала — подразделению коджук. Немного юго-западнее, в районе плотины Егенклыч на Дарьялыке находятся развалины укрепления машрыков — Машрык-сенгир, и др.[13] (рис. 1, *1*).

В первой половине XIX в. в урочище Уаз (на северной границе Заунгузских Кара-Кумов) в связи с обострением текинско-иомутской вражды

[10] Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений, стр. 101—104; их же, Покинутые туркменские поселения..., стр. 41—44.

[11] «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957, стр. 68.

[12] Г. П. Васильева, Итоги работ Туркменского отряда за 1948 г., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 453; Полевая запись автора, № 20 за 1957 г. (хранится в Ин-те этнографии АН СССР).

[13] Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Указ. работы; Полевые записи автора, № 20, 24 за 1957 г.

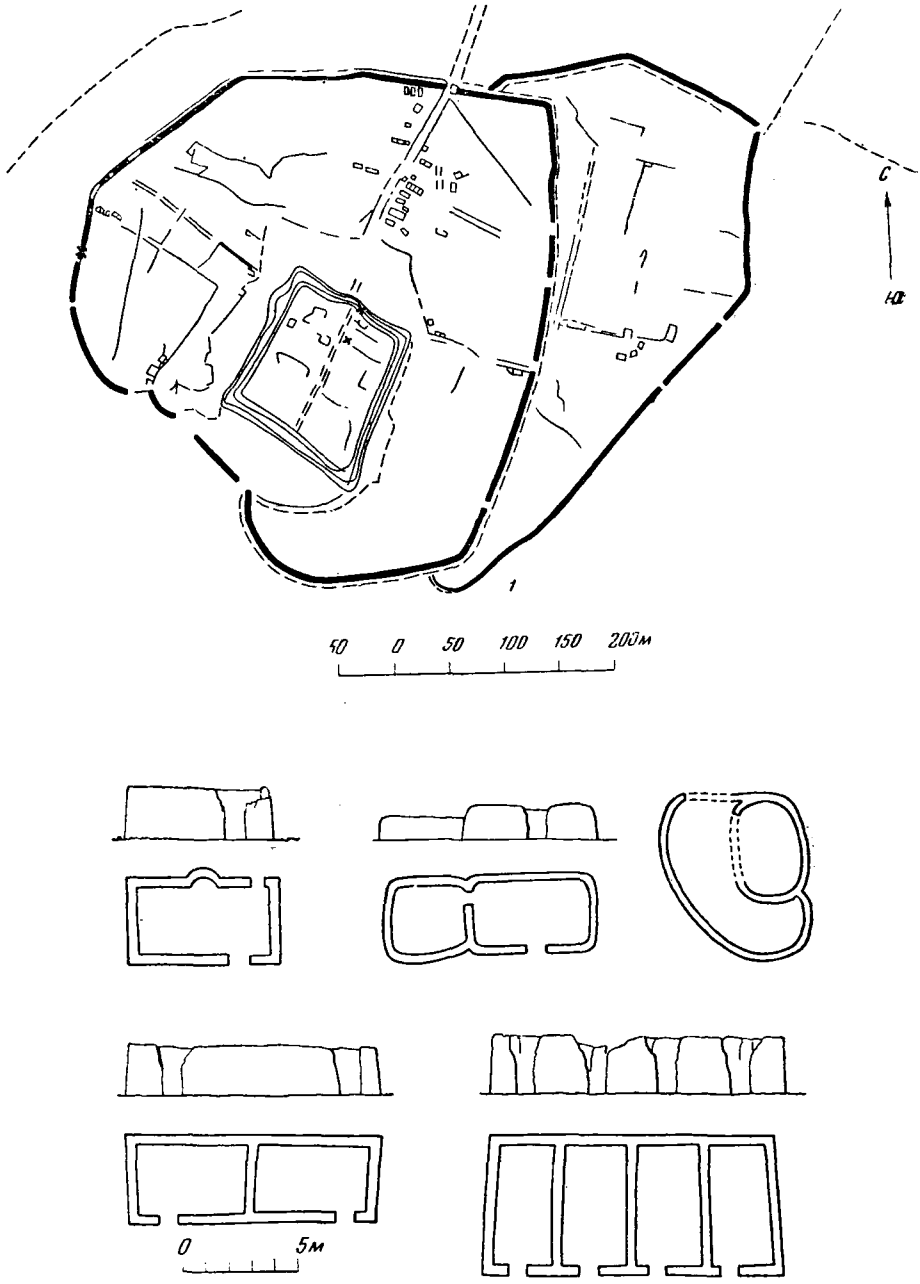

Рис. 1. Укрепленное туркменское поселение. Теке-сенгир: *1* — план; *2* — типы построек внутри сенгира

возникло укрепление Теке-сенгир, служившее текинцам для защиты от поселявшихся в урочище иомутов (рис. 1, *2*).

Вероятно, в период иомутского восстания 1850-х годов против хивинских ханов к югу от Дарьялыка, в районах наиболее интенсивного расселения туркмен, возникает ряд временных укреплений — сенгиров. Во время полевых исследований 1957 г. развалины сенгиров были встречены нами в районах поселения сакаров к юго-западу от Куня-Ургенча и в районе Ханабада. К северо-востоку от Мангыр-чардере обнаружен сенгир иомутов, упоминающийся в хивинской хронике [14], и Емрели-кала — укрепление туркмен-емрели. Во второй половине XIX в. туркменских укреплений в этом районе было значительно больше, чем сохранилось до наших дней. На карте 1905 г. [15] во многих местах к югу от Куня-Ургенча стоят пометки «сенгир», часто без всяких дополнительных названий; ряд укреплений, построенных иомутами, помнят здесь информаторы [16]. В западной части урочища Ат-крылган (район к югу от плотины Салак-бент на Дарьялыке) у арыка Орсукчи нами был обнаружен сенгир подразделения орсукчи, построенный, очевидно, в то же тревожное для туркмен время — в середине XIX в.

Некоторые из этих укреплений — такие, как Эрез-кала, Чардере, Кемки-кала, Коджук-кала, по описанию обследовавшей их Г. П. Васильевой,— небольшие глинобитные крепости. Внутри такой «кала» помещалось несколько юрт. Скот находился в загороженных местах под открытым небом или под навесами, устроенными у стен крепости [17]. Большей частью туркменские укрепления представляли собой глинобитные или обнесенные земляным валом и рвом крепости различных размеров и конфигурации. Внутри них располагались землянки, жилые и хозяйственные глинобитные постройки, чаще всего вытянутые в ряды, образующие таким образом отдельные линии. Землянки также были жилые и хозяйственного назначения (для скота, припасов и т. д.). Внутри этих укреплений нередко оставлялись места для установки юрт. В укреплениях, построенных, очевидно, в более короткий срок, преобладают землянки, внутренняя площадь гуще застроена, мест для юрт почти совсем нет. Так выглядят развалины сенгиров сакаров, сенгира иомутов в районе Ханабада, сенгира орсукчи в Ат-крылгане и наиболее поздняя восточная пристройка Теке-сенгира в Уазе. Крепостные стены туркменских сенгиров и кала сделаны из пахсы, они небольшой толщины (от 0,9 до 1,3—1,5 *м*), кверху сужены (до 50—40 *см*), стены вверху в некоторых случаях оформлены зубцами; снаружи укрепление почти всегда было обнесено рвом. Укрепления в плане чаще всего неправильные.

Жилища внутри сенгиров (если это не землянки) построены, как и большинство жилых построек Хорезма этого времени, из пахсы, перекрытия у них были плоские (в настоящее время от перекрытий ничего не сохранилось, остались лишь отверстия для балок), ширина помещений, обусловленная длиной балок, не превышает 3—4 *м*. Жилища в плане представляют собой чаще всего одно- или двухкамерные постройки, примыкающие друг к другу или стоящие на небольшом расстоянии. Встречаются и многокамерные дома, но число их в большинстве укреплений незначительно. Обычно одно из помещений дома служило жильем для семьи, здесь же хранили продукты и т. п., другое предназначалось для скота. Значительная часть населения, судя по хорошо сохранившейся застройке Теке-сенгира, сенгиров сакаров и орсукчи, имела однокомнатные дома. Построек общественного характера в описанных укреплениях, за редкими исключениями, нет. В Теке-сенгире и Машрык-сенгире сохра-

[14] МИТТ, т. II, 563.
[15] См. Лобачевский, Указ. раб.
[16] Полевая запись автора, № 2 за 1957 г.
[17] Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 453.

нились развалины небольших мечетей, включающих, кроме самой мечети, одно или несколько помещений. Вокруг большинства туркменских укреплений располагались поля с разветвленной системой ирригационных каналов.

Сельские поселения «хуторского» типа

Большинство туркменских поселений XIX в. в районе Дарьялыка, а также к северу и к югу от него — сельские поселения так называемого хуторского типа (обá), с раннего средневековья характерного для Хорезма. Этот тип селений возник и продолжал жить в Хорезме, как и в ряде других мест, в соответствии с социально-экономическими отношениями феодального общества. Обычно по ответвлениям больших каналов селились отдельные родовые подразделения туркмен. Родовой принцип расселения почти всегда строго соблюдался. Группа усадеб членов одного родового подразделения, расположенная вдоль одного канала, образовывала разбросанное селение, внутри которого усадьбы ближайших родственников находились поблизости одна от другой. Вообще усадьбы в таком селении обычно расположены на расстоянии от 50 до 500 *м* одна от другой, чаще всего вблизи магистрального канала. Рядом с усадьбой находились поля ее хозяев. Изредка на заброшенных полях можно видеть остатки низких (около 50 *см*) загородок, некогда разделявших участки. Какого-либо общественного центра большинство туркменских поселений не имело. Базары в таких селениях отсутствовали; на базар ездили в основном в Куня-Ургенч и Актепе (ныне Ленинск). Развалины мечетей имеются лишь в немногих поселениях. Больше всего их встречено при обследовании поселений в урочище Уаз. Часто эти мечети были построены в усадьбах баев или ишанов (рис. 2, *24ж*). Встречаются и мечети, подобные описанным выше, обнаруженным в туркменских укреплениях. В урочище Уаз существовали две купольные мечети. На территории, заселенной туркменами в XIX в., имелось несколько медресе, построенных в основном тогда же. Медресе эти являлись религиозными центрами довольно большой округи. Наибольшей известностью у туркменского населения пользовались Гоклен-медресе[18] и Айлак-медресе (в северной части Уаза).

В селениях даже при беглом осмотре развалин обычно выделяются большие усадьбы одного или нескольких баев, державших в подчинении окрестное население. К богатым усадьбам примыкают и бóльшие массивы полей. При обследовании туркменских поселений XIX в. мы столкнулись с довольно большим разнообразием во внешнем облике и планировке усадеб, поэтому предлагаемая ниже типология жилищ туркменских поселений «хуторского» типа намечает лишь основные линии развития туркменского жилища в Хорезме. Все многообразие туркменских усадеб Левобережья в XIX в. можно в общем виде свести к пяти основным группам (рис. 2).

I. Наиболее простыми по планировке были жилища бедняков (рис. *2*, *1*). Обычно это был одно-, двухкамерный глинобитный дом, ориентированный чаще всего входом на юг; иногда около него устраивали небольшой загон для скота, обнесенный невысокой пахсовой стеной (рис. 2, *2, 4, 6*). В нескольких случаях встречены однокомнатные дома с айванами с северной и южной стороны дома (рис. 2, *8*). Перед айваном ставили юрту. Наиболее бедные туркмены жили в землянках или полуземлянках с одним или двумя помещениями (рис. 2, *5*). Описанные усадьбы не имели ни дворов, ни специальных хозяйственных помещений. Развалины таких усадеб встречаются во всех районах левобережного Хорезма.

[18] См. Б. И. Вайнберг и Г. С. Костин, Указ. раб.

II. Довольно четкую группу образуют многокамерные дома с коридором, по одной или обеим сторонам которого располагались жилые и хозяйственные помещения (рис. 2, *II*). Состоятельностью хозяина определялись как размеры дома, так и число помещений. Коридор чаще

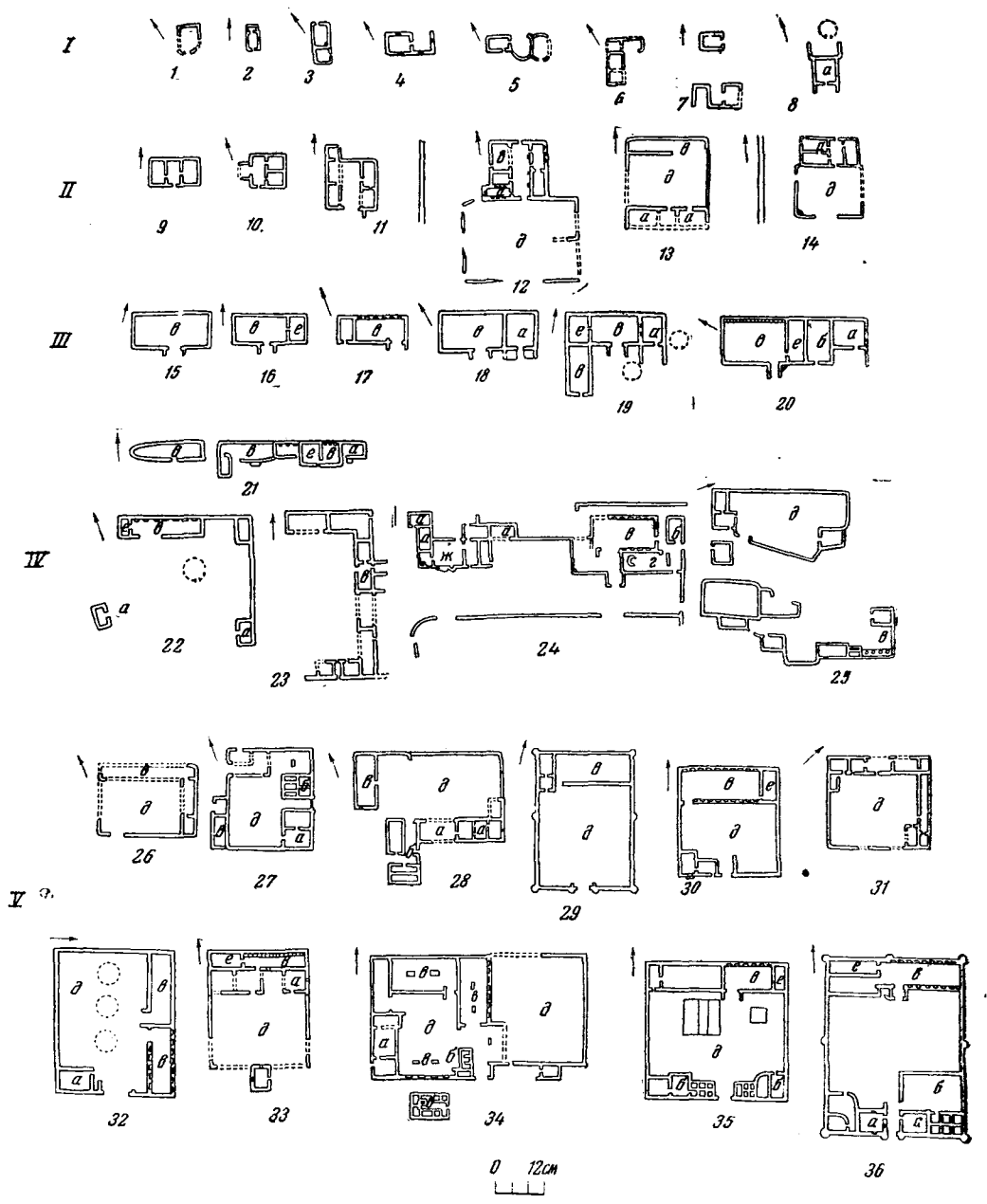

Рис. 2. Типы планировки туркменских жилищ в поселениях «хуторского» типа: *а*—жилые помещения, *б* — кладовые, *в* — помещения для скота, *г* — мельница (хараз-там), *д* — дворы, *е* — помещения для сена (саман-хана), *ж* — мечеть

всего был ориентирован меридионально, входом на юг. В некоторых случаях вместо коридора устраивали проходную комнату, в которую выходили двери из других помещений, чаще всего расположенных по одну сторону от проходного (рис. 2, *10*). Иногда стены этого помеще-

ния или коридора делали выше стен соседних комнат и устраивали помещение со сквозной вентиляцией типа закрытых высоких айванов современного туркменского дома. Помещения, расположенные по сторонам коридора, в основном были жилыми или хозяйственными (типа кладовых); довольно редко в развалинах этих домов встречаются конюшни, хлевы, чаще же всего для мелкого скота к дому пристраивали дворы и загоны (рис. 2, *12—14*). Бо́льшая часть жилищ описанного типа встречена в покинутых поселениях сакаров, в остальных районах они встречаются реже, совсем их не обнаружено при обследовании поселений урочища Уаз. Нужно отметить также, что этот тип туркменского жилища обнаруживает большую близость к современным жилищам туркмен-сакаров и эрсари, живущих в Чарджоуской области.

III. Даже при беглом знакомстве с покинутыми туркменскими поселениями выделяется группа одно-, трехкамерных построек, где жилые помещения часто отсутствуют (рис. 2, *III*). В простейшем виде основное место в такой постройке занимает обширная конюшня, вытянутая в широтном направлении, с кормушками у северной (северо-восточной) и частично южной стены, с широким входом вроде ворот в южной стене (рис. 2, *15*). Вход обычно оформлен двумя выступающими стенками типа ант. Рядом с такой постройкой ставили юрту. Иногда в одной стороне конюшни выделено помещение для сена (рис. 2, *16*). Наиболее развитый вариант усадьбы этого типа имеет уже небольшую жилую комнату, пристроенную чаще всего с восточной стороны (всегда почти справа от входа в конюшню); перед этой комнатой делали небольшой обращенный к югу айван с суфами по сторонам от прохода, ведущего к двери в комнату. Юрту ставили перед айваном (рис. 2, *18—20*). Обычно длина комнаты с айваном равна ширине конюшни. Усадьбы такого типа строили добротно, высота их почти всегда на ряд пахсы выше большинства усадеб, стены комнат над нишами иногда орнаментированы. Среди обследованных развалин встречаются усадьбы описанного типа, усложненные позднейшими пристройками хозяйственных помещений, а иногда и дворов. Распространены усадьбы этого типа были в Ханабаде к северу от Мангыр-чардере, в районе Каттакар-чардере, в низовьях Сипай-яба и в селении айлаков в северной части Уаза. Как удалось выяснить у информаторов, а также из исторических и картографических источников, большинство таких усадеб принадлежало иомутам родового подразделения салак.

IV. Меньше всего поддается точной характеристике выделяемая нами группа туркменских усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, расположенными либо в одну линию, либо под углом, иногда довольно разобщенно, при отсутствии двора или ограды, объединяющих все строения в один комплекс (рис. 2, *IV*). В этой группе мы встречаемся с разнообразием планировки, с большим количеством различных пристроек и переделками, изменившими первоначальный облик усадьбы. Встречаются такие усадьбы во всех районах покинутых туркменских поселений XIX в. Переходными от этой группы к следующей являются усадьбы, в которых жилые и хозяйственные постройки расположены вокруг какой-либо (квадратной, прямоугольной, неправильной в плане) площадки. Ограниченное постройками пространство представляет собой зародыш внутреннего двора, объединяющего все строения усадьбы (рис. 2, *22, 25*).

V. В последнюю группу можно выделить усадьбы с двором и примыкающими к нему постройками, обнесенные высокой (в 3—4 ряда пахсы) глухой глинобитной стеной (рис. 2, *V*). Усадьбы этого типа различны по своим размерам и дают большое число вариаций в планировке, что чаще всего определялось состоятельностью их хозяев. По большей части это прямоугольная в плане усадьба, окруженная глухой глинобитной стеной, вытянутая меридионально, чаще всего со входом в южной (юго-восточной или

юго-западной) стене. Внутри вдоль стен усадьбы расположены, преимущественно в южной части, хозяйственные и жилые постройки; в центре во дворе помещали юрту (иногда несколько юрт); в северной части двора, у стены находились помещения для скота. Иногда они отсутствуют (рис. 2, *29, 30, 32*). В усадьбах более богатых хозяев планировка усложнена, увеличивалось в первую очередь число и размеры помещений для скота, в особенности для лошадей и крупного рогатого скота. Иногда встречаются двухэтажные кладовые (телек), поставленные почти всегда на углу усадьбы или у входа (рис. 2, *27, 28, 34—36*), реже — мельницы (хараз-там). Постройки и здесь располагали по периферии усадьбы, оставляя в середине незастроенный двор, где ставили юрты, иногда устраивали легкие загоны для скота; в ряде развалин найдены землянки для скота. Иногда внешние стены этих усадеб имеют ложные башенки (кунгре), придающие им облик древних маленьких крепостей (рис. 2, *29, 36*); аналогичный прием бытовал у узбеков Хорезма, Самарканда и у туркмен южной части Туркмении [19].

К этой же группе можно отнести и усадьбы, не имеющие такого правильного геометрического плана, а в силу подчинения рельефу местности или позднейших перестроек получившие неправильную конфигурацию; но они также обнесены стеной, и принцип расположения построек в них тот же. Часто в таких усадьбах можно отметить перестройки, производившиеся, очевидно, в связи с выделением новых семей, так как отдельные комплексы жилых и хозяйственных помещений здесь повторяются.

Усадьбы немногих крупных туркменских баев строились специально приглашенными узбекскими мастерами. Они по внешнему облику смыкаются с описываемой группой; это такие же прямоугольные в плане усадьбы, обнесенные глинобитной стеной, чаще всего с ложными башенками (кунгре). Внутри эти усадьбы обычно разделялись идущим от входа коридором на мужскую и женскую половины (чего не отмечается в других туркменских усадьбах) с многочисленными жилыми и хозяйственными помещениями. Имеются помещения без крыш или двора, где ставили юрты. В глубине усадьбы отделяли двор для скота, либо ставили крытую конюшню с саман-ханой (помещением для сена). Иногда часть хозяйственных строений перенесена тоже в эту часть двора.

Строительным материалом для жилых и хозяйственных построек туркмен и в этих поселениях служила пахса. Стены возведены без фундамента. В усадьбах наиболее состоятельных хозяев над первым невысоким слоем пахсы сделана изолирующая от грунтовой воды и солей прокладка из камыша или мелкого хвороста. Наружная и внутренняя поверхности стен заглажены, но изредка их поверхность покрыта мелким рифлением из вертикальных желобков (делали это по сырой глине). Другие украшения встречаются редко (о них см. ниже). По сведениям, приводимым информаторами, перекрытия в помещениях были плоские, балочные. Поверх балок клали иногда циновки, чаще крупные прутья и хворост; сверху насыпали небольшой слой земли, после чего все это обмазывали глиной. В перекрытиях, обычно посередине, делали отверстие (туйнук) для освещения и выхода дыма. Очаги в помещениях были большей частью открытые, в развалинах от них почти не сохранилось остатков. В богатых домах иногда встречаются камины (мор) с дымоходом в толще стены (в селении айлаков в Уазе, в Ат-крылгане). В усадьбах туркмен XIX в. при всем разнообразии их планировки в различных комбинациях сочетались следующие элементы:

1. Одно или несколько небольших по размерам жилых помещений (рис. 2, *а*). В очень немногих усадьбах жилые помещения отсутствовали, их полностью заменяла юрта. Во всех домах,

[19] В. Л. Воронина, Указ. раб., стр. 42, 47; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 67—70.

кроме самых богатых, в этих же помещениях принимали гостей. В усадьбах, где не было отдельных помещений для хранения припасов, жилая комната служила и кладовой. В стенах этих помещений встречаются разнообразные по форме и размерам ниши, расположенные на разной высоте в пределах человеческого роста. Над нишами на стене прочерчивали орнамент. Иногда встречается мотив бараньих рогов.

2. Помещения для скота (рис. 2, *в*) также составляли необходимую часть туркменских усадеб. Разнообразие и размеры их зависели от состоятельности хозяев. В бедных усадьбах, хозяева которых имели минимальное количество скота,— это всего лишь небольшое помещение или даже невысокая загородка, примыкающая к жилому строению. Не только в бедных, но иногда и в более состоятельных хозяйствах помещением для скота служила полуземлянка (дөле), надстроенная одним, реже — двумя рядами пахсы. У наиболее бедных хозяев помещений для скота совсем не было. В более состоятельных домах для скота строили крытый хлев, а нередко и отдельное помещение для сена (саман-хана) (рис. 2, *е*). С увеличением достатка хозяев увеличивалось число помещений для скота. Отдельно ставили конюшни и помещения для крупного рогатого скота с кормушками (ахыр) вдоль стен. Чаще всего в этих районах ахыры делали на высоте около 70—90 *см* в виде выемки в толще стены до самого ее верха (размером 70—100×30—50 *см*), трапециевидные или прямоугольные в плане. Помещения для овец кормушек не имели и обычно отделялись от конюшен и помещений для крупного рогатого скота. Кроме этих постоянных и закрытых помещений для скота, иногда невысокой стеной внутри двора или вне его отгораживали загоны.

3. Далеко не во всех усадьбах имелись специальные кладовые (телек) (рис. 2, *б*). Существовало несколько типов таких помещений. Часто это была просто отдельная комната с разнообразными нишами в стенах; иногда часть ее площади или вся кладовая делилась на отдельные закрома (ахыр), где хранилось зерно и пр., с невысокими (до 70 *см*) глинобитными перегородками. В таких помещениях, как, впрочем, часто и в жилых, над полом в стенах делали небольшие отверстия для вентиляции; в холодное время года их замазывали. Наиболее интересны двухэтажные телеки, встречающиеся в разных районах. Их обычно ставили на углу усадьбы, а иногда и вне ее стен. Всходили на второй этаж по глинобитной лестнице (текчек), пристроенной к телеку. Зерно и другие продукты чаще всего хранили в закромах описанного типа на втором этаже, что предохраняло от сырости и грызунов. Среди всех построек хорезмских туркмен только на этих двухэтажных телеках встречается прочерченная по глине в виде геометрических фигур орнаментация на внешней стороне стен, это выделяет такие телеки из всех построек и позволяет предположить, что орнаментирование их представляет собой реликт какого-то древнего обычая, связанного с помещением, где хранились основные пищевые продукты [20].

4. Внутри усадеб состоятельных туркмен имелись иногда помещения для мельниц (хараз-там) (рис. 2, *г*), где на круглом глинобитном возвышении устанавливали мельничные жернова, приводимые в движение животными. Нередко хараз-там строили за пределами усадьбы вблизи ее стен.

5. Во многих усадьбах туркмен имелись дворы (рис. 2, *д*), обнесенные глинобитной стеной; вдоль стен их располагались жилые и хозяйственные постройки, а внутри ставили юрты.

6. Юрта продолжала широко бытовать у туркмен в XIX в. В большинстве усадеб во дворе или, при отсутствии его, у стен дома можно и

[20] В южной Туркмении этот обычай орнаментации двухэтажных кладовых тоже бытует. См.: В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 69; Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 462.

сейчас обнаружить следы площадок, на которые ставили юрты. Лишь самые бедные хозяева не имели юрт. Иногда в усадьбе ставили несколько юрт, чаще всего чтобы отделить женатых сыновей.

7. В некотором отдалении от глинобитного жилища и юрты, а иногда даже вне пределов двора усадьбы (если он имелся) устраивали кухонные очаги и тамдыры (очаги для выпечки лепешек); последние иногда выносили на значительное расстояние от усадьбы. Среди развалин встречаются остатки сделанных над землей тамдыров, бытующих и теперь у туркмен Хорезма, а также «земляные тамдыры», полностью заглубленные в грунт.

8. Для дополнения общей картины туркменских поселений нужно отметить еще поставленные полукругом с южной стороны чигирей пахсовые стены с опирающимся на них навесом, служившие для защиты работавших у чигиря людей и животных от солнца. Иногда близ чигирей вместо такого навеса имелась землянка (полуземлянка) или небольшой пахсовый дом в одну комнату, так как чигири чаще всего устанавливали вдали от жилья.

Торгово-ремесленные поселения

Третий тип туркменского поселения, так называемый базар, в XIX в. не получил распространения в Хорезме. Во время полевых исследований 1957 г. к северо-западу от Куня-Ургенча, в низовьях канала XIX в. Есаулбаши, близ крепости Қызылча-кала нами были обнаружены развалины неизвестного поселения такого типа.

Рис. 3. Базарный поселок у Қызылча-кала. Часть южной улицы

Как удалось выяснить путем сопоставления сведений, полученных от информаторов, с данными, приводимыми Ф. Базинером и А. В. Каульбарсом, а также с картографическим материалом и результатами обследования развалин [21], «базар» у Қызылча-кала был создан туркменами в начале 1830-х годов, вероятно при содействии, а возможно и по инициативе ханского правительства (построившего здесь даже резиденцию хакима) в противовес русскому укреплению Ново-Александровскому, находившемуся на берегу залива Мертвый Култук на Мангышлаке. Этот «базар» должен был способствовать укреплению экономических связей туркмен Устюрта и северо-западных окраин Хорезма с Хивинским ханством и помешать укреплению русско-туркменских отношений. В связи с ликвидацией русского укрепления в конце 1830-х годов, вероятно, потерял значение и «базар» у Қызылча-кала, и к 1842 г. он был уже заброшен [22].

«Базар» у Қызылча-кала, в противоположность всем подобным поселениям в ханстве,— неукрепленное поселение с четкой планировкой: че-

[21] См. П. С. Савельев, Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву, «Географические известия», 1849, № 4, стр. 164; А. В. Каульбарс, Указ. раб., стр. 406; «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 72; Карта Средней Азии, составленная по новейшим сведениям, гравирована при военно-топографическом депо, 1863. «Генеральная карта Оренбургского края и частей Хивинского и Бухарского владений», составлена при генеральном штабе отдельного Оренбургского корпуса и гравирована в военно-топографическом депо, 1851.

[22] П. С. Савельев, Указ. раб., стр. 164

тыре параллельные улицы, пересекаемые идущей перпендикулярно им магистральной улицей, упирающейся в дом хакима.

В этом селении, кроме усадьбы хакима, построенной по типу ханских резиденций, но гораздо скромнее, было около ста домов, подобных описанным выше туркменским жилищам (рис. 3), одна небольшая мечеть, два караван-сарая, расположенные на окраинах селения. Планировка жилищ «базара» довольно разнообразна (рис. 4); иногда она сходна с описанной в селениях «хуторского» типа. Около 10—15% домов имеет такую же планировку, как жилища выделенной нами группы *II* в селениях «хуторского» типа (рис. 4, *I, 2, 4, 5; II, 7*). Не менее 30% жилищ сходны

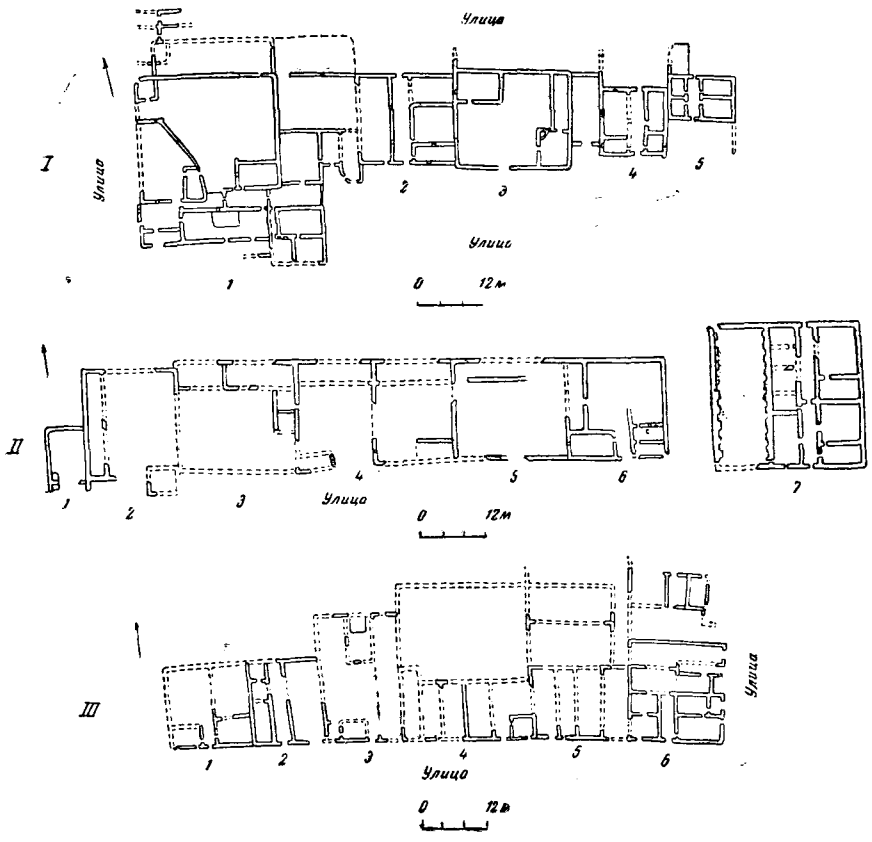

Рис. 4. Типы планировки кварталов в базарном поселке у Кызылча-кала

с группой *V* усадеб тех же селений. Во дворах этих усадеб, вероятно, ставили юрты, так как жилые помещения нередко отсутствуют или сведены к минимуму (одной небольшой комнате) (рис. 4, *I, 3; II 2—6*).

Третья группа жилищ, тоже довольно многочисленная, выделяется не совсем четко. Это ряд нешироких и длинных помещений, иногда расположенных по периферии двора, чаще же примыкающих друг к другу (рис. 4, *III, 3—5*). Длинные помещения иногда делятся поперечными стенами. Назначение этих помещений иногда неясно, вероятнее всего это по большей части жилые и производственные помещения. С этими помещениями часто связаны большие дворы, где помещался скот.

Остальные дома не представляется возможным объединять в какие-либо группы по типу планировки из-за их многообразия. Нередко планировка жилища подчиняется конфигурации места, оставшегося при застройке квартала, есть дома со сложной и асимметричной внутренней

планировкой, с различными жилыми, хозяйственными и производственными помещениями (например, рис. 4, *I, 1*). В ряде мест селения сохранились следы ремесленных производств: гончарного, железоделательного, хлебопечения. Вдоль магистральной улицы и большинства поперечных были построены айваны, на которых велась торговля.

* * *

Подводя итог нашему описанию, можно с полным основанием отметить, что туркмены на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма создавали в основном сельские поселения «хуторского» типа; постройка немногочисленных укрепленных поселений (кала, сенгиров) вызвана была политическими причинами; торгово-ремесленные помещения не получили развития в XIX в.

Вопрос о появлении тех или иных типов туркменских жилищ очень сложен и не может быть решен в отрыве от изучения этнической истории туркменского народа. Хотя на рассматриваемой территории и жили туркмены разных племенных групп, выделить жилища, характерные лишь для отдельных племен, нельзя. Жилища гокленов, емрели, карадашлы сходны с жилищами иомутов — наиболее многочисленного туркменского племени в Хорезме; возможно, это вызвано не только длительным совместным жительством этих племен, но и какими-то более глубокими связями, возникшими в процессе смешения племен и образования туркменской народности. Несколько обособленную группу представляют, как указывалось, жилища сакаров, что находит, возможно, свое объяснение в разных путях исторического развития иомутов и сакаров [23]. Вероятно, это племя сохранило в планировке жилища очень древние традиции, роднящие его в большей степени, чем любое другое туркменское жилище, с узбекским, хотя сакары и не имели близкого культурного контакта с узбеками.

В различных районах «земель древнего орошения» встречаются развалины усадеб почти всех типов; в двух районах — урочищах Уаз и Уришан-баба (последнее к югу от Куня-Ургенча), находящихся в более суровых природных условиях, окруженных песками, строили в основном более замкнутые усадьбы, обнесенные высокой глинобитной стеной, что, по-видимому, предохраняло население от песка при частых ветрах.

Выяснение, там, где это было возможно, родовой принадлежности бывших хозяев иомутских усадеб, позволяет отметить, что у салаков в ряде районов преобладала особая планировка усадеб (выделенная нами группа *III*), что, возможно, связано с происхождением этой родовой группы, отличным от происхождения других иомутских родов. В связи с тем, что вопрос о сложении и историческом развитии племени иомутов пока еще неясен, нельзя сказать ничего более определенного и о происхождении салакского жилища, тем более что в известных нам памятниках жилой архитектуры древних и современных народов Средней Азии аналогий ему мы пока не обнаружили.

В памятниках народной туркменской архитектуры XIX в. других районов мы находим ряд общих черт с туркменским жилищем Хорезма того времени; ближе всего по типу планировки и внешнему облику многие усадьбы хорезмских туркмен и эрсаринцев приамударьинских районов [24].

Несомненны связи туркменской и узбекской народной архитектуры Хорезма (сходство отмечается во внешнем облике усадеб, иногда в планировке), но меньше всего здесь можно говорить о заимствовании турк-

[23] См. Г. И. Карпов, Этнический состав туркмен, Кандидатская диссертация, Ашхабад, 1942, стр. 131—133. (Хранится в библиотеке имени Горького при Московском гос. ун-те.)

[24] В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 28—35, 65—69.

менами у узбеков опыта строительства, так как связи эти имеют древнюю основу. В планировке и узбекских и туркменских усадеб XIX в. прослеживаются генетические связи с усадьбами населения раннесредневекового и средневекового Хорезма. Туркменские усадьбы с двухэтажным телеком восходят, по всей видимости, к усадьбам с каптар-ханой и афригидским замкам с донжонами [25].

Можно отметить еще одну древнюю традицию, сказывающуюся в туркменском жилище XIX в. В древнейшей части огузского эпического сказания «Китаб-и-Коркут» [26] сохранилось описание жилища Салор-казана, полностью приложимое к типичным туркменским усадьбам, обнесенным общей стеной, с небольшим числом построек внутри (группа *V*). Как и в усадьбах туркмен XIX в., жилище Салор-казана имело ограду, о чем свидетельствует неоднократное упоминание ворот [27]. Из обращения Салор-казана к разрушенному жилищу можно сделать бесспорный вывод о существовании «внутри ворот» каких-то построек, кроме стоявшего там шатра; особо отмечается «черная кухня» и «место, где сидела мать» Салора [28]. О наличии таких построек свидетельствует упоминание о том, что после того как жилище Салор-казана было покинуто и шатры сняты, песок мог засыпать какие-то оставшиеся части поселения.

С. П. Толстов, исследуя города гузов, отмечал, что представление о характере кочевого хозяйства тюркских народов должно быть уточнено [29]. Представление о чисто кочевом быте огузов в X — XI вв., позднее и туркмен, сложилось по отчетам чужеземных наблюдателей, которые в первую очередь отмечали несвойственные их собственному быту черты — легкую подвижность населения и наличие кочевых жилищ, развившихся из потребностей полукочевого скотоводства и земледелия. Огузская традиция возведения огороженных усадеб с небольшими постройками и юртами внутри, продолжавшая жить у туркмен в XIX — начале XX в., несомненно должна была существовать в некоторых районах в течение всего средневековья, но, к сожалению, до нас не дошли памятники туркменской жилой архитектуры, созданные ранее XIX в.

Дальнейшие исследования по этнической истории и материальной культуре туркмен позволят, вероятно, разрешить вопрос о происхождении отдельных типов туркменского жилища и еще ярче покажут самобытность народной туркменской архитектуры.

SUMMARY

Recent investigations by the South Turkmenian Archeological Expedition and the Khwarizm Archeological and Ethnographical Expedition have refuted the view denying the existence of permanent dwellings among the Turkmenians and the very existence of a Turkmenian architecture. In 1955-57 surveying parties of the Khwarizm Expedition studied the deserted 19th century Turkmenian settlements, ruins of which still remain on the «ancient irrigated lands» in Khwarizm on the left bank of the Amu-Darya. Information about these settlements was also obtained from some of the older men of Tashauz Region in Turkmenia. The data collected has made it possible to reconstitute the history of the Turkmenian settlements, as well as the geographical location of the tribes and clans in the area.

In the past century the Turkmenians inhabiting this territory had three types of settlements: the walled settlements of a clan or tribe (the sengir or kala), built in the

[25] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 128—153, 158—159; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 191—209, 278.

[26] *В. В.* Бартольд, Китаб-и-Коркуд. Текст и перевод раздела «Рассказ о разграблении дома Салор-казана», «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», т. XII, вып. 4, СПб., 1900; «Деде Коркут», Перевод В. В. Бартольда, Баку, 1950.

[27] В. В. Бартольд, Китаб-и-Коркуд, стр. 38; «Деде Коркут», стр. 29.

[28] В. В. Бартольд, Китаб-и-Коркуд, стр. 50—51; «Деде Коркут», стр. 31.

[29] С. П. Толстов, Города гузов, «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 100.

periods when the Turkmenians waged wars against the neighbouring peoples or rose up against the rule of the khan; rural settlements with the dwellings spread over a large area, rather in the manner of farmsteads (the oba); and, lastly, settlements of traders and artisans (the bazar). The latter type was practically non-existent among the Turkmenian population of Khwarizm in the 19th century; only one such settlement was discovered near the fortress of Kizylcha-kala.

The present article considers the types of dwellings within each type of settlement. The walled settlements consisted mainly of small clay houses divided into a row of rooms, as well as dugout and semi-dugout dwellings. The rural settlements of the second type present five types of farmsteads. The bazar dwellings near Kizylcha-kala are rather similar in appearance and planning to those of the rural settlements.

The study of the deserted 19th century Turkmenian settlements on the «ancient irrigated lands» of left-bank Khwarizm has led to several important conclusions. The Turkmenians of different tribal groups and clans, it appears, built similar types of dwellings; the only exception are the dwellings of the Sakars and some of the Salaks, a group of the Yomud tribe; this is explained by the specific historical development of these groups of Turkmenians. The relation between the Turkmenian and Uzbek popular architectures in Khwarizm has been established beyond doubt, based as it is not on borrowing but on common traditions dating from early medieval architecture.

Judging by the description of Salor-kazan dwellings contained in the old Oghuz epic of «Quitab-idede Korkut», a certain type of Turkmenian farmstead shows traces of affinity with Oghuz dwellings.

The traditions of Turkmenian popular architecture of the past century have been developed in present-day Turkmenian dwellings in Khwarizm.

[8] Подробнее см.: *Першиц А.И.* Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

[9] *Драбкин Я.С.* Нерешенные проблемы изучения социальных революций // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969; *Селезнев М.А.* Социальная революция (методологические проблемы). М., 1971; *Крапивенский С.Э.* К анализу категории «социальная революция». Волгоград, 1971.

[10] *Толстов С.П.* Военная демократия и проблема «генетической» революции // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. № 7–8.

[11] *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956; *Семенов Ю.И.* О периодизации первобытной истории // СЭ. 1965. № 5; *Крюков М.В.* Социальная дифференциация в древнем Китае (опыт сравнительно-исторической характеристики) // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

[12] Подробнее см.: *Perschic A.I.* Das Problem der militarischen Democratie // Familie, Staat und gesellschaftsformation. B., 1988.

[13] *Толстов С.П.* К вопросу о периодизации истории первобытного общества // СЭ. 1946. № 1.

[14] Подробнее см.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 17 и сл.

[15] *Семенов Ю.И.* Происхождение брака...

[16] Подробнее см.: *Бромлей Ю.В., Першиц А.И.* Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории // Вопр. философии. 1964. № 4.

[17] Обзор работ экспедиции см.: *Итина М.А.* Хорезмская экспедиция: основные итоги и перспективы исследований // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981; *Жданко Т.А.* Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Там же; *Итина М.А.* Охранные археологические работы в Хорезме: итоги и перспективы // СЭ. 1984. № 1; *ее же.* Древний Хорезм: проблемы и открытия // Вест. АН СССР. 1966. № 2.

[18] *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 215–222; Топрак-кала. Дворец // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XI. Гл. VI. М., 1984. Документы (автор В.А. Лившиц).

[19] См.: *Вайнберг Б.И., Коляков С.М.* Раскопки на крепости Калалы-гыр-2 в Северной Туркмении // Археолог. открытия, 1968 г. М., 1968. С. 506.

[20] Устное сообщение В.А. Лившица.

[21] *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970; *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972; *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. (среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 156 и сл.; *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. I и II // Вестн. древней истории. 1982. № 3, 4; *Гамкрелидзе Т.Е., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984; *Кузьмина Е.Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сб. Вып. IV. Древняя и средневековая история и философия. М., 1986. С. 169–228 и другие работы.

[22] *Толстов С.П.* Основные теоретические проблемы современной советской этнографии//СЭ1960. № 6.

[23] *Шнирельман В.А.* Этноархеология – 70-е годы // СЭ. 1984. № 2.

S.P. Tolstov as ethnographer, archaeologist and orientalist

The authors of the article pay tribute to S.P. Tolstov, an acknowledged organizer of the Soviet ethnography and founder of the Khorezm expedition. The authors underline that Tolstov strongly advocated for the cooperation between historical, ethnographic and anthropological disciplines. His own works demonstrate the evident benefits of such approach.

M.A. Itina, A.I. Pershitz

© 1997 г., ЭО, № 1

Б.И. Вайнберг

ЭКОЛОГИЯ ПРИАРАЛЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Приаральем мы, как и многие другие исследователи, считаем обширную область на севере Средней Азии, охватывающую территорию от восточного берега Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке и от зоны степей на севере до северных окраин великих среднеазиатских пустынь Каракум и Кызылкум на юге

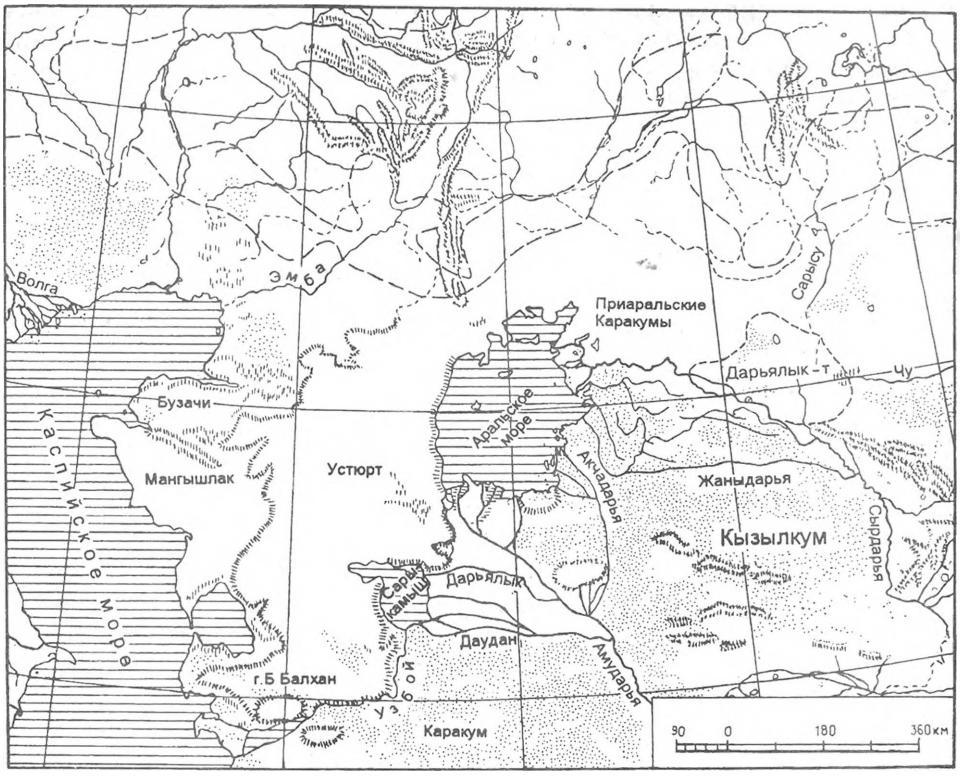

Рис. 1. Карта Приаралья. Пунктиром отмечены границы между пустыней, полупустыней и степью

(рис. 1). Особое значение для всего региона имеют области дельт двух крупнейших рек региона – Амударьи и Сырдарьи[1].

Ниже мы покажем, что в древности и в средневековье экологические условия Приаралья зачастую существенно отличались от современных (даже если не принимать в расчет проблему кризиса Арала). Это необходимо учитывать при изучении истории и палеоэтнографии народов этой территории.

Приаралье – зона пустынь и полупустынь, один из самых засушливых и экстремальных по климатическим условиям районов Евразии, для которого первостепенным является вопрос о водообеспечении населения. Особенности природных условий Приаралья определили сосуществование с глубокой древности в тесном взаимодействии земледельцев и скотоводов (экосистему пустынь и полупустынь Среднеазиатско-Казахстанского региона). Земледельческое хозяйство в прошлом, как правило, было сопряжено с искусственным орошением, и лишь отдельные группы населения, чаще всего – полуоседлого, практиковали лиманное или каирное земледелие[2]. Скотоводство с начала железного века и вплоть до эпохи индустриализации было представлено разными типами: оседлое, полукочевое, полуоседлое и кочевое. Разнообразие типов было связано прежде всего с экологическими особенностями отдельных областей в пределах региона.

Амударья – основная река, определявшая жизнь населения значительной части Средней Азии и Приаралья, поэтому вопрос о направлениях в историческое время стока ее русел становился с конца прошлого века предметом исследования как историков-востоковедов, так и географов и геологов[3]. Эта проблема часто увязывалась с дискуссией о возможном прогрессирующем «усыхании» Средней Азии[4]. Именно в силу этого в работах С.П. Толстова и Хорезмской экспедиции в целом одной из важнейших стала проблема обводнения древних русел Амударьи и Сырдарьи. К ее

разработке были привлечены географы и геоморфологи, были созданы новые методики комплексных археолого-геоморфологических исследований, использовались материалы аэросъемки. В связи с изучением древней гидрографической сети дельтовых областей предпринималось широкомасштабное изучение древней и средневековой ирригационной сети[5]. Итоги изучения низовьев Амударьи, проводившегося совместно с известным геоморфологом А.С. Кесь в 1950-х гг. были изложены в фундаментальном исследовании об истории формирования и заселения человеком этого региона[6]. В последние 30 с лишним лет выводы этой публикации стали основополагающими для широкого круга исследователей.

Во второй половине 1950-х гг. Хорезмская экспедиция совместно с А.С. Кесь начала интенсивное исследование районов древней дельты Сырдарьи, которое, к сожалению, не получило отражения в аналогичной обобщающей работе[7].

Палеоэкологическая характеристика Приаралья должна базироваться на палеогеографических данных об обводнении этого района в разные исторические периоды. Сами по себе эти данные не дают оснований для абсолютных датировок. Только археологические материалы обеспечивают достаточно надежную датировку природных объектов, связанных с обводнением. Поэтому обратимся к характеристике дельтовых областей южного Приаралья в свете современных данных археологии. Многие из этих материалов до сих пор фигурировали, к сожалению, только в отдельных публикациях в малодоступных для читателя и, как правило, малотиражных изданиях. В обобщенном виде по территории всего Приаралья они предлагаются читателю впервые в данной статье. Также первый раз предпринимается попытка палеоклиматической реконструкции Приаралья.

Дельтовые протоки Амударьи и Узбой

В итоге археолого-геоморфологического изучения территории дельты Амударьи и Узбоя (рис. 2) под руководством С.П. Толстова и А.С. Кесь был сделан вывод о безусловной связи археологических памятников Присарыкамышской дельты с ирригацией, об отсутствии оседлого населения на берегах Узбоя в древности и о краткости того средневекового периода, когда Узбой имел сток. В связи с этим были поставлены под сомнение данные письменных источников, констатировалась зависимость режима обводнения от социальных факторов[8].

После открытия в середине 1960-х гг. в Присарыкамышской дельте курганных могильников скотоводов, а затем и поселений вне зоны ирригации или на автономных мелких оросительных системах, началось планомерное изучение их памятников в Присарыкамышской дельте (Б.И. Вайнберг) и на Узбое (Х. Юсупов, Б.И. Вайнберг). В итоге за 25 лет археологических работ получены принципиально новые данные о режиме обводнения дельты Амударьи и Узбоя, которые мы здесь изложим лишь конспективно[9].

В эпоху неолита – вплоть до конца III тысячелетия до н.э., функционировали Акчадарьинская и Присарыкамышская дельты, Сарыкамыш и Узбой. В 1970-х гг. на верхнем Узбое открыты стоянки V тыс. до н.э., в Присарыкамышской дельте – неолитический могильник, на Узбое, на западном берегу Келькора и вдоль Актама – еще ряд стоянок.

В эпоху бронзы стока в Присарыкамышскую дельту и соответственно в Узбой не было. Активно функционировали Акчадарьинские дельты.

В конце VIII – начале VII в. до н.э. обильно обводняются русла Присарыкамышской дельты и начинается заполнение Сарыкамышской впадины. В этом районе появляется новое население – оседлые и полуоседлые скотоводы (им принадлежит куюсайская культура), неукрепленные поселения которых располагаются на берегах дельтовых протоков. На возвышенностях сооружаются укрепленные поселения и курганные могильники. Этот режим обводнения стабильно сохраняется до конца I тыс. до н.э. На рубеже V–IV вв. до н.э. уже постоянно функционирует Узбой (на его

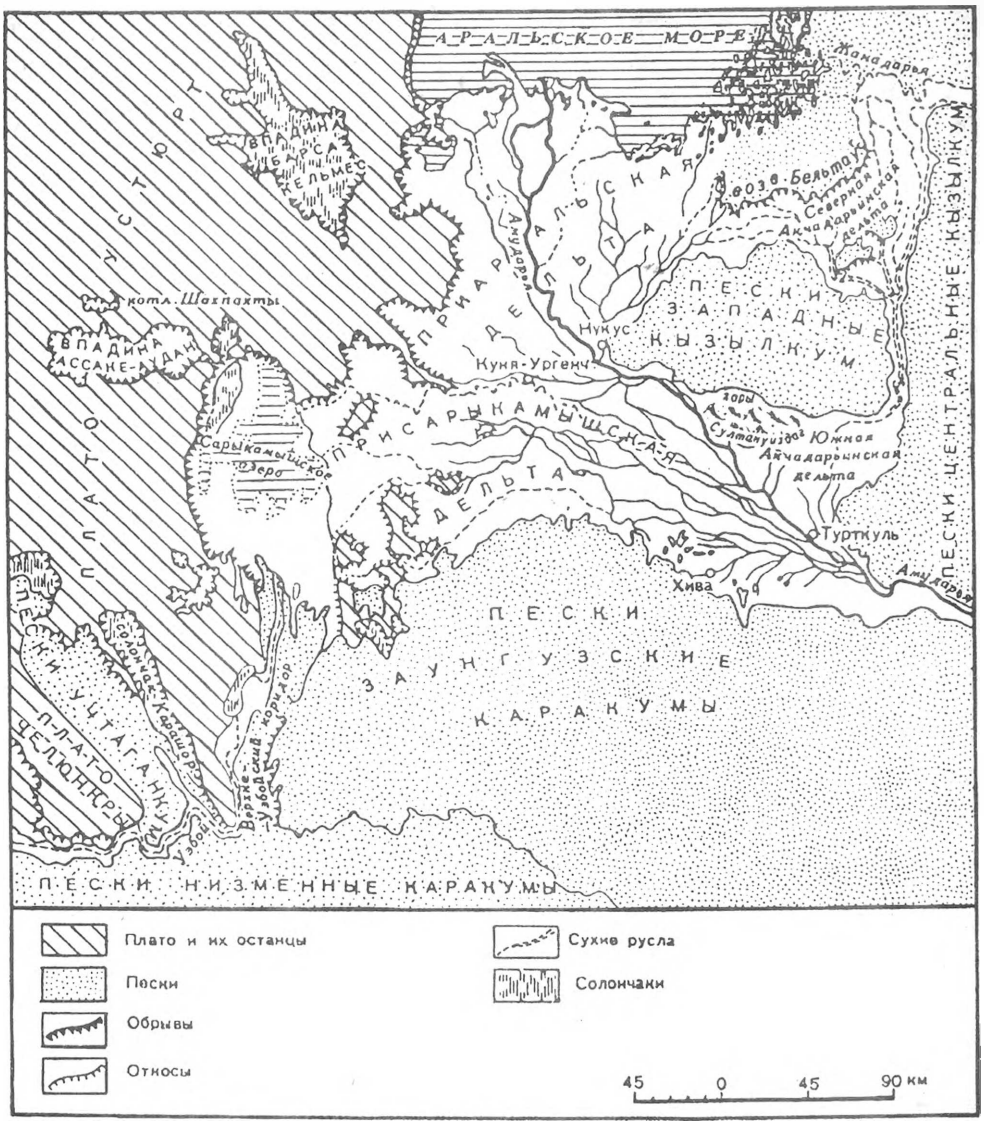

Рис. 2. Общая карта дельт Амударьи. Кесь А.С. Антропогенное воздействие на формирование аллювиально-дельтовых равнин Амударьи // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 73

берегах открыты каменные склепы и культовые сооружения скотоводов)[10]. По данным письменных источников (описание похода Кира у Геродота) обводнение его началось в VI в. до н.э., но постоянного населения на берегах Узбоя еще не было.

Русла Южной Акчадарьинской дельты, бесспорно, были обводнены до V–IV вв. до н.э. Поселения и стоянки VII–V вв. до н.э. есть на всех участках и в северной дельте вплоть до берега Арала. Стоянки и «развеянные поселения» IV–II вв. до н.э. с хорезмийской гончарной посудой в северной Акчадарьинской дельте свидетельствуют, что и в это время в каком-то виде сток воды по Акчадарье в Арал происходил, так как сырдарьинские обводненные русла (как показали исследования чирикрабатской культуры) до Северной Акчадарьинской дельты не доходили.

В Южной дельте головные сооружения каналов только в IV–II вв. до н.э. стали, вероятно, переносить на современное русло[11], которое функционировало уже в

середине I тыс. до н.э. В этот период сток воды в Арал шел по Акчадарье и по Пра-Куванышжарминскому направлению (правобережье к северу от гор Султан-Уздаг, крепость Ток-кала в районе Нукуса) в сторону Северной Акчадарьинской дельты. В левобережье Амударьи заполнялось, очевидно, Айбугирское озеро (об этом свидетельствуют Большая и Малая Айбугир-кала и памятники, связанные с ними).

Сложившийся режим обводнения в общем виде сохраняется до IV в. н.э. Ко II в. до н.э. относится строительство на берегу Узбоя у порога парфянской крепости Игды-кала. Она просуществовала, – как и памятники, оставленные скотоводческим населением, – до середины IV в. н.э.

В Присарыкамышской дельте первый крупный канал – Куняуазский – сооружается в первой половине IV в. до н.э. в междуречье Южного и Северного Даудана[12]. В западной части дельты с IV–III вв. до н.э. существуют мелкие земледельческие оазисы со своей автономной системой ирригации[13].

Во II–I вв. до н.э. полностью отмирает русло Южного Даудана, его заменяет грандиозный канал Черменяб. Разразившийся в связи с усыханием русел Присарыкамышской дельты кризис отражается на поселениях III–IV вв. н.э.: последние памятники древней эпохи в этом районе – поселения и могильники IV–V вв. н.э.[14]. Прекращается сток и по Пра-Куванышжарминскому протоку из Приаральской дельты.

В IV–V вв. в Северной Акчадарьинской дельте существовал замок Барак-там и ряд поселений вблизи него. Вопрос об обводнении этого района не совсем ясен. Предполагавшееся С.П. Толстовым подтопление староречий из русла Жаныдарьи (дельтовый проток Сырдарьи) в свете новых материалов должно быть отвергнуто, так как Жаныдарья в это время вообще не была обводнена. Куванышжарминский проток сюда тоже не доходил. Остается сделать вывод о поступлении воды в Северную Акчадарьинскую дельту в это время по Акчадарьинскому коридору, вероятно, за счет стока по Суяргану вдоль восточного края Южной дельты[15].

V–VII вв. – наиболее темный период в истории Амударьи. Нет стока ни в Южную Акчадарьинскую дельту, ни в Присарыкамышскую. Сокращается ирригация. В Приаральской дельте не обнаружены археологические памятники до самого конца VII в.[16]. Возможно, что она была сильно заболочена, и это препятствовало ее заселению.

В VIII–IX вв. начинаются новые прорывы воды по руслам Дарьялыка и Северного Даудана в Присарыкамышскую дельту. Сток в Сарыкамыш происходит еще в домонгольское время. Канал Черменяб в XI–XIII вв. выводится из русла Даудана. К началу XIII в. Сарыкамыш (вместе с Ассаке-кауданом) достигает отметки + 50 м., через дельту Кангадарьи, расположенную на этом уровне, начинается сток по староречьям в сторону Пишкекуинской котловины, где на берегу вновь возникшего небольшого водоема появилось поселение[17]. Тогда же начинается и сток в Узбой. Разрушение монголами ирригации увеличивает сток в Сарыкамыш, затопляется поселение в Пишкекуинской котловине, куда уже идет сток и с севера по образовавшемуся каньону. В XIII–XV вв. из Сарыкамыша обводняются многие староречья у восточного берега озера, благодаря чему возникают поселения туркмен-скотоводов, простейшие ирригационные сооружения и, наконец, у возвышенности Кой-кырлан известный по письменным источникам Адак (так называлась местность или поселение). К XVI в. все эти памятники погибли в связи с прекращением обводнения[18]. Средневековые памятники на Узбое тоже должны быть датированы хотя бы в пределах XIII–XV вв.[19]. В конце XVI в. прекращается и обводнение Дарьялыка. Водоподъемные сооружения на топких берегах усыхавшего Сарыкамышского озера используются для водопоя скота до XVII в., но площадь озера резко сокращается.

Прорывы воды из основного русла в Дарьялык в XIX в. привели к обводнению земель в левобережном Хорезме, вновь освоенных туркменами[20].

Таким образом, новые археологические материалы, расширяющие наши представления о хронологии и объеме речного стока по Амударьинским дельтам и Узбою, дают основание утверждать, что и древние и средневековые источники достоверно фиксировали периоды впадения Амударьи в Каспий, когда существовал сток по Узбою. Причины изменения направления течения реки не совсем ясны, но бесспорно, что вывод С.П. Толстова об их обязательной зависимости от социальных кризисов[21] не может быть принят. Так, прекращение стока в Присарыкамышскую дельту и Узбой предшествовало кризису IV–V вв. и, возможно, способствовало его развитию; средневековый сток в Сарыкамыш начался до монгольского нашествия, в эпоху процветания Хорезма. Стабильное обводнение Присарыкамышской дельты с VII в. до н.э. по IV–V вв. н.э. и регулярный сток по Узбою в период от конца V в. до н.э. до IV в. н.э. не были связаны с какими-либо социальными причинами (например, государственными образованиями и т.д.). Представляется, что основные причины изменения режима обводнения дельтовых протоков Амударьи нужно искать среди географических фактов, влиявших на него.

Древняя дельта Сырдарьи

Район древней дельты Сырдарьи на юго-западе смыкается с Северной Акчадарьинской дельтой Амударьи, с запада он ограничен восточным берегом Аральского моря, а с юга – коренными песками пустыни Кызылкум. С северной стороны граница дельты идет примерно по современному руслу реки ниже г. Кзыл-Орда. К востоку от современного русла в районе между г. Джусалы и г. Кзыл-Орда сохранилась система озер и протоков, по которым в прошлом соединялись с бассейном Сырдарьи реки Сарысу и Чу.

Древнее русло Сырдарьи (Пра-Сырдарья) проходило значительно южнее дельты современной реки, к югу от основного массива Кызылкумов и соединялось с системой Пра-Амударьи[22]. Позднее в связи с прорывом вод Сырдарьи на север река разлилась многочисленными сильно меандрирующими протоками на обширной низменности, где и сформировалось ее древняя дельта со стоком к восточному берегу Аральского моря.

Анализ топографии археологических памятников позволяет восстановить историю древней дельты реки хотя бы в общих чертах.

В период III–II тыс. до н.э., в эпоху неолита и бронзового века, основным протоком дельты Сырдарьи была Инкардарья, русло, идущее в широтном направлении по северной окраине коренных песков. Это наиболее меандрирующее из староречий дельты, неоднократно пересекающееся более поздним руслом Жаныдарьи. В верхнем течении Инкардарья расположена главным образом к югу от Жаныдарьи, затем после ряда меандров в северной части, где Жаныдарья пересекает это русло, на нижнем отрезке Инкардарья расположена преимущественно к северу от Жаныдарьи. В низовьях русло Инкардарьи, как и позднее Жаныдарьи, образовывало общую дельту с самым восточным древним руслом Амударьи – Акчадарьей.

В своем нынешнем течении Сырдарья проходит по пологому возвышению из собственных наносов, что при паводках приводит к затоплению широких пространств.

По данным географов[23] до заселения человеком дельта реки изобиловала озерами и болотами, среди которых извивались обводненные протоки русел. Уклон местности определил сток на северо-запад и север среди песчаных гряд Восточного Приаралья. В результате сложились современные ландшафты, где пустынные равнины пересекаются сильно извивающимися сухими руслами; останцы редких возвышенностей, бугристые и грядовые пески и глинистые такыры мозаично перемежаются с небольшими участками, поросшими невысокой травянисто-кустарниковой растительностью. На прирусловых валах в зоне современного обводнения встречаются тугайные леса из лоха, тополя, ивы и кустарников[24].

К востоку от Кзыл-Орды расположена обширная такырная равнина – Дарьялык-такыр, где, очевидно, в древности и, возможно, еще в средние века располагалось озеро, в которое впадали реки Сырдарья (частью своего стока), Сарысу и Чу. Не исключено, что именно это озеро отмечали древние и средневековые китайские карты, о нем повествовали средневековые мусульманские путешественники[25]. Инкардарья и древняя Жаныдарья, имевшие истоки южнее этого района, не впадали в это озеро, но ряд староречий правобережья, четко различимых в районе Чиили и датируемых по археологическому материалу ранним железным веком и средневековьем, бесспорно вливались в Дарьялык-такыр.

В 25 км от Кзыл-Орды вниз по течению Сырдарьи на ее правом берегу отделяется проток Караузяк длиной около 180 км, который у города Джусалы вновь соединяется с основным руслом. Возможно, он возник в период существования озера на Дарьялык-такыре: местность к востоку от него изобилует топями и солончаками.

Древние русла Сырдарьинской дельты – Инкардарья и Жаныдарья имели истоки у левого берега современного русла гораздо выше Кзыл-Орды, ориентировочно в районе Янгиарыка–Тюменьарыка. Левобережье от Кзыл-Орды до Джусалов изобилует остатками древних русел и археологических памятников, связанных с ними. На севере этот район замыкают широтные протоки Эскидарьялыка, куда впадает и Кувандарья, древнее и современное русло, изливающееся сейчас отдельным устьем в залив Аральского моря.

Подобное направление стока, как нам представляется, было обусловлено геологическим строением этого участка дельтового пространства. Именно на участке ниже Джусалов современное русло реки пересекает неогеновые и палеогеновые отложения[26], которые заходят и на левобережье реки. По-видимому, речной сток еще в глубокой древности пошел вдоль южной оконечности этих более плотных пород. Это обстоятельство получило отражение и в формировании почвенного покрова[27]. Именно на участке современной Сырдарьи, пересекающей неогеновые и палеогеновые отложения, отсутствуют лугово-бурые или аллювиальные почвы, характеризующие долину Сырдарьи на всем ее протяжении; отсутствует здесь соответственно тугайная и высокотравная растительность, характерная для остальной части поймы реки.

Так как мы не располагаем данными об археологических памятниках к северу от Эскидарьялыка и до современного русла реки в ее дельтовой части, трудно сделать окончательный вывод о хронологии и истории формирования этого нижнего участка реки. Представляется, что памятники на своеобразном острове, образованном современным руслом, морем и его заливом, в который впадал Эскидарьялык, – так называемые «города гузов» (С.П. Толстов их называл «болотные городища»), определяют время обводнения этой территории не ранее конца VII в.

Судя по археологическим данным, к III тыс. до н.э. направление стока стало уже постоянным, сформировались основные русла. Образовались два широтных протока – Инкардарья на юге у коренных песков и Эскидарьялык на севере. Между ними функционировали многочисленные меридиональные русла. Направление их определялось общим уклоном местности в сторону моря. На формирование меридиональных русел оказывали влияние и отдельные островки палеогеновых отложений на этой территории.

Памятники III тыс. до н.э. немногочисленны, но они четко определяют существование в то время двух ведущих направлений стока – на запад по Инкардарье к Северной Акчадарьинской дельте и в центральной части Сырдарьинской дельты с юга на север – от протоков Инкардарьи к Эскидарьялыку. Памятники II тыс. до н.э. слабо представлены, что может быть связано с общими климатическими изменениями в Средней Азии. Расположены они на Инкардарье и некоторых меридиональных руслах, а также на севере дельты. Можно заключить, что крупных изменений в гидрографии дельты в это время не происходило.

В I тыс. до н.э. происходят существенные изменения. Начинают отмирать многие участки Инкардарьи и на ее месте формируется более спрямленное русло Пра-Жаныдарьи. У нас нет основания считать, что оно полностью сформировалось в это время, так как западнее района Бештам-калы археологические памятники I тыс. до н.э. отсутствуют, зато там обильно представлены средневековые памятники. Во второй половине I тыс. до н.э. сток Пра-Жаныдарьи шел по меридиональным руслам к северу. В этой зоне обнаружены стоянки скотоводов и отдельные погребальные сооружения. Отсутствие оседлых поселений, подобных тем, что выявлены в большом количестве в южных районах дельты, не должно вызывать удивления, так как по природным условиям район меридиональных русел – это пастбищная территория. Следы подтопления древних стоянок свидетельствуют о неустойчивости водного режима. Пески, среди которых располагались стоянки, не были пригодны для занятия земледелием, здесь могли возникать временные, скорее всего зимние стоянки, связанные с выпасом скота в песках. Отсутствовал массив такыров, следовательно, не было условий для создания стационарных поселений. Следует учесть, что в древности, как и позже, дельта Сырдарьи – место постоянных поселений преимущественно оседлых скотоводов и около них, очевидно, располагались и зимовки кочевой части населения. Именно поэтому основная масса открытых памятников, как правило, концентрируется в благоприятной для постоянного расселения зоне Пра-Жаныдарьи (широтное русло) и на южных отрезках меридиональных русел.

В зоне Пра-Кувандарьи – Эскидарьялыка, в восточной части древней дельты Сырдарьи, ситуация несколько иная. Там нет такого массива песков. На почвообразовательные процессы оказывали влияние и северные широтные русла.

Этнографические материалы[28] показывают, что казахи, зимовки которых располагались в дельте Сырдарьи, еще по льду реки перегоняли скот в правобережье. Здесь он выпасался до весенних теплых дней в песках Приаральских Каракумов, где было немало колодцев (вероятно, в связи с тем, что эти пески подстилают прочные более древние отложения). Позднее начиналась перекочевка на летние пастбища на север или северо-запад. Осенью этот путь проделывали в обратном направлении. Обилие скотоводческих стоянок середины и второй половины I тыс. до н.э. на восточных меридиональных руслах может свидетельствовать о том, что в древности уже существовала подобная практика перекочевок. Именно восточные меридиональные русла были для населения чирикрабатской культуры тем коридором, по которому они могли перекочевывать на сезонные пастбища на север, минуя территорию своих восточных соседей джетыасарцев (восточная часть древней дельты, к востоку от Кувандарьи).

Можно предположить, что в I тыс. до н.э. отдельные прорывы воды в староречья к западу от района Бештама могли происходить, но постоянного стока не было вплоть до эпохи средневековья. Общего объема стока реки в дельту хватало лишь на русла в зоне чирикрабатской и джетыасарской культур. Никогда позднее столь обширные территории здесь одновременно не орошались. В III в. до н.э. в западной части дельты начинается кризис обводнения, ко II в. до н.э. она полностью осушается, население покидает эту территорию.

Многочисленные ирригационные сооружения, направленные на сохранение воды в старицах и отдельных участках отмирающих русел сохранились в зоне чирикрабатских памятников. Детальное исследование их проводил Б.В. Андрианов[29]. Вероятно, период постепенного изменения объема стока воды длился довольно долго.

После II в. до н.э. обводнялась только восточная часть дельты, где обнаруживаются памятники джетыасарской культуры. Учитывая, что истоки тех русел, которые орошали Джетыасарский оазис, располагались на участке от Кзыл-Орды и ниже по современному течению реки, можно предположить, что они брали начало в озере на Дарьялык-такыре, что обусловило и отличный режим их обводнения. Возможно, что и в этой отдельной «внутренней» дельте постепенно происходило отмирание русел с

запада на восток и с юга на север. Это как будто бы подтверждается хронологией памятников и изучением гидрографической сети[30]. Завершается этот процесс формированием, вероятно, в VIII–IX вв., современного русла на участке ниже Кзыл-Орды. Южного стока на запад в сторону Акчадарьинской дельты не было бесспорно до конца I тыс. н.э. Судя по хронологии памятников, устойчивый сток по Жаныдарье появился в XII в., когда и завершилось формирование в дельте этого южного широтного русла.

Хотя Хорезмской экспедиции и не удалось провести цикл работ в правобережной части дельтовой области Сырдарьи, некоторые соображения по поводу древнего озера, в которое впадали Сырдарья, Чу и Сарысу (или места впадения Чу и Сарысу в Сырдарью), можно все же высказать. Если существовало в какой-то период одно такое озеро, а не цепочка озер в дельтах Чу и Сарысу – как теперь, то оно максимально могло занимать только территорию четвертичных отложений в Правобережье, которые окружают более плотные и более древние породы. В историческое время зеркало этого озера зависело от объема стока рек, – в тот период еще не зарегулированных, – и климатических изменений. В это озеро, судя по расположению истоков Инкардарьи и Жаныдарьи, должна была попадать только часть речной воды по отдельному руслу (или же руслам), древняя же дельта реки образовалась к западу от этого озера.

Наиболее северные памятники дельты – городища Джанкент (Янгикент), Кескен-Куюк-кала и Куюк-кала – «болотные городища» расположены на плоской, низменной и сильно засоленной равнине полуострова или точнее острова, который в разных направлениях пересечен хорошо выраженными сухими руслами старых дельтовых протоков. Расположение городищ на их берегах определяет время их функционирования. Разведочные раскопки, проведенные в 1963 г. на Кескен-Куюк-кале (нач. отряда Б.И. Вайнберг), показали, что большая часть известного по подъемным сборам материала «болотных городищ» относится к позднему этапу джетыасарской культуры – VII–IX вв. Не исключено, что они возникли в VII в. в связи с расселением «джетыасарцев». Средневековые материалы с Джанкента и ряда более мелких поселений свидетельствуют, что отдельные русла в зоне «болотных городищ» функционировали и позднее IX в., вероятно, вплоть до XIV в. Возможно, что они обводнялись вначале за счет стока Эскидарьялыка, а позднее – современного русла Сырдарьи. Это согласуется со свидетельствами Макдиси и Ибн Хаукаля о том, что Сырдарья в X в. была судоходной и по воде доставляли продукты в Карьят ал-хадиса (Янгикент)[31].

В X–XI вв. после более чем тысячелетнего перерыва за счет нового прорыва вод стала функционировать Жаныдарья. Это могло быть следствием образования нового течения реки ниже Кзыл-Орды, осушения в VIII в. Джетыасарского оазиса и, вероятно, связанного с этими фактами исчезновением озера на Дарьялык-такыре (возможно, что его почти полностью заполнили аллювиальные наносы рек). На берегах Жаныдарьи и обводненных за счет ее вод отдельных участков староречья Инкардарьи сохранились ирригационные сооружения, развалины городских и сельских поселений X–XIV вв., в том числе и развалины большого города Дженда (современная Джанкала), хорошо известного по средневековым письменным памятникам как центр огузского племенного союза.

Есть все основания предполагать, что завершение формирования современного русла Сырдарьи может быть датировано временем около XV в., когда снова прекратилось течение воды по Жаныдарье.

Течение воды по древним руслам Сырдарьи вновь возобновлялось периодически, особенно в XVIII–начале XIX в., когда функционировало известное ныне под этим названием русло Кувандарьи и когда этот обширный, ставший к тому времени пустыней, район был заселен каракалпаками и казахами. Их ирригационные сооружения, поселения, мазары и кладбища являются последними по времени массовыми памятниками этого района.

К вопросу об изменениях климата в Приаралье

Несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки реконструкции климата прошлых эпох в Арало-Каспийском регионе мы не можем предложить достаточно достоверных данных по этому вопросу для исследуемого периода. В работах естественно-географического направления, как правило, приводятся данные о крупных климатических периодах (послеледниковый климатический оптимум, похолодание «железного века», второй климатический оптимум, «малая ледниковая эпоха» и т.д.)[32]. К сожалению, случается, что исследователи привлекают археологические материалы, подчас искаженные или уже устаревшие (характерный пример с археологическими памятниками на Узбое, открытыми в 70–80-ых годах и давно опубликованными) и на них строят свои выводы[33]. Это не позволяет нам использовать их. Попытки восстановить климатическую картину прошлых эпох, исходя из исторических и часто археологических данных, была предпринята Л.Н. Гумилевым[34]. Можно полностью согласиться с исходной посылкой исследователя о том, что «этническая среда» (рассматриваемая нами не как биологическая, а социальная единица) – это «показатель, чутко реагирующий на изменение внешней среды»[35], но выводы, которые он делает из конкретных исторических фактов, зачастую вызывают возражения. Устанавливая динамику ландшафтных зон, прилегающих к поясу степей, где располагались основные группы кочевников, факты из истории которых послужили основанием для выводов о климатических изменениях, Л.Н. Гумилев почему-то рассматривает только северную границу степи в сторону тайги. Неясно при этом куда исчезает очень важная для хозяйственного использования зона лесостепи. Южная зона полупустынь и пустынь в расчет вообще не принимается, так как автор декларирует, что пустыня «враждебна скотоводству» и что в «пустынной зоне постоянного населения не было»[36]. Последние постулаты могут вызвать лишь удивление, так как противоречат не только весьма определенным историческим источникам средневековья, но и многочисленным археологическим памятникам разных эпох на протяжении десятилетий исследовавшихся в Средней Азии и Казахстане. Именно игнорирование этих материалов и приводит к искажению ряда фактов из истории народов, связанных с пустынной зоной, что заставляет усомниться в закономерности многих выводов Л.Н. Гумилева об изменении климатических фаз. Например, уход печенегов из Приаралья не может свидетельствовать об усыхании и изменении климата, так как их место заняли огузы, а позднее огузов вытеснили кипчаки, что скорее всего свидетельствует об обратном – кочевники активно боролись за земли в Приаралье на протяжении VIII–XII вв. Весьма сомнительными в связи с этим кажутся и «увязки» трансгрессий и регрессий Каспия с предполагаемыми периодами колебаний климата в Евразии. К тому же далеко не все данные о колебаниях уровня Каспия по Л.Н. Гумилеву могут быть приняты, хотя бы в силу их противоречия выводам другим исследователей[37]. Не совпадают его заключения об уровнях моря и с нашими материалами по дельте Узбоя, изложенными выше.

Вместе с тем нам представляется перспективным общий подход Л.Н. Гумилева о связи природных изменений с «потенцией кочевых народов»[38]. Состояние природной среды, даже ее незначительные изменения, бесспорно оказывали большое влияние на хозяйственную деятельность кочевников. Смена ими традиционных сезонных пастбищ и путей перекочевок приводили и к далеким переселениям, и к завоеванию новых территорий для расселения. Значительным индикатором в оценке хозяйственных возможностей в связи с изменением климата могут выступать и взаимоотношения скотоводов с населением соседних земледельческих оазисов и государств, на территорию которых часто устремлялись массы кочевого населения. Л.Н. Гумилев различает два типа передвижения кочевых народов: завоевательные походы (Аттилы или Чингисхана, например), происходившие, по его мнению, в периоды «климатических оптиумов», когда существовал «богатый тыл», и миграций «мелких групп кочевников, обычно оседавших на степных окраинах»[39], которые он в свою очередь коррелирует с

увлажненностью степной зоны. Но исторические факты не укладываются в подобную схему. Например, достаточно хорошо освещенный источниками и исследованный специалистами период образования державы Абулхаира и завоевания кочевыми узбеками ряда районов Средней Азии полностью противоречит предложенной схеме, так как он совпадает с «малой ледниковой эпохой», периодом ухудшения климатических условий, когда при повышении увлажнения падали температуры зимой и летом, увеличивался снежный покров, который препятствовал зимней тебеневке скота в степях Казахстана и Приуралья. Следствием этого стало стремление узбеков захватить вначале земли в дельтах Амударьи и Сырдарьи, а затем и в более южных районах, так как дельта Сырдарьи к началу XVI в. перестала обводняться, а в Присарыкамышской дельте Амударьи тогда же прекратилось течение воды по Дарьялыку и население покинуло этот район, переселившись в более южные части оазиса.

Представляется, что только полный учет особенностей экологии всех районов степной зоны и детальное изучение взаимодействия ее населения с земледельческими цивилизациями, анализ материалов из полупустынь и пустынь (часто многие исследователи-историки относят их просто к «степям» не учитывая специфики скотоводческого хозяйства в этой зоне) позволит выявить те закономерности в передвижении кочевников, которые могут быть связаны с климатическими изменениями. При этом бесспорно очень важно проследить проявление этих процессов в разных частях Евразии – например, в Центральной Азии и Средней Азии и Казахстане. Пока же мы предлагаем в качестве г и п о т е з ы сопоставление историко-археологических материалов из этих регионов с независимо от них полученными данными по изменениям климата за исторический период[40]. Для интересующего нас времени предложены следующие реконструкции: между 900 и 300 гг. до н.э. – «похолодание железного века», увеличение атмосферных осадков, расширение заболоченных областей в северной Евразии, продвижение к югу границы леса (на территории России), снижение летних температур, изменение видового состава растительности. В Средиземноморье климат становится суше, но все же более влажный, чем в настоящее время. Возможно, что именно с началом этого периода связано расселение древних иранцев в Средней Азии, сложение кочевого типа хозяйства, традиционных путей перекочевок и освоение кочевниками новых территорий. Применительно к Приаралью эта эпоха связана с новым после тысячелетнего перерыва обводнением Присарыкамышской дельты Амударьи, обводнением Узбоя и освоением его берегов скотоводами, появлением кочевников на Устюрте. В дельте Сырдарьи тоже происходят изменения гидрографической сети. Отмирают русла Инкардарьи и на их базе формируется Пра-Жанырдарья – широтный проток, объединявший систему меридиональных русел, стекавших в Арал и Эскидарьялык.

В Центральной Азии, о которой я могу судить лишь по литературным источникам, складываются традиционные ареалы культур скотоводов. На территории Монголии четко фиксируется два различных по культуре и палеоантропологии региона – в западной и восточной Монголии[41]. Как можно судить по более поздним письменным источникам, у северных границ Китая и к северо-западу от него к концу этого периода четко разграничиваются две разные этнические группы кочевников – сюнну и юечжи. Юечжи подчиняли сюнну вплоть до III в. до н.э. Дальнейшая история климата фиксируется в источниках только для эпохи средневековья (XI–нач. XIII вв.).

Но можно предположить, что после «похолодания железного века», верхняя граница которого отнесена к концу IV–III вв. до н.э., наступает более жаркий и сухой период, вероятно, менее благоприятный для кочевников. Но вряд ли это справедливо для всех регионов кочевого мира степей, так как потепление климата, если оно не было очень резким, делало более надежными в зимнее время пастбища на севере Казахстана и в Приуралье. Возможно, именно поэтому отмечается расцвет прохоровской и саргатской культур в этих регионах.

В связи с климатическими изменениями стоит вспомнить, что к концу I тыс. до н.э. в Присарыкамышской дельте Амударьи начинает отмирать Южный Даудан, высы-

хает дельта Кангадарьи, обсыхают постепенно ко II в. до н.э. и западные русла в древней дельте Сырдарьи.

Не позже рубежа IV–III вв. до н.э. в Средней Азии, прежде всего в левобережном Хорезме появились кочевники, пришедшие сюда с севера – из зоны степей Среднеазиатско-Казахстанского региона. Они оставили погребения подбойно-катакомбного типа.

Вторая волна этих же кочевников фиксируется во II в. до н.э., но тогда они продвигаются уже через Семиречье и Фергану на территорию древнего Согда, а затем и Бактрии. Северная часть Средней Азии этим движением не была затронута, так как скорее всего оно миновало пояс степей и, возможно, было вызвано чисто политическим давлением. Сюнну, противники юечжей, стали с этого времени господствовать у северных границ Китая. Частным случаем является и переселение дахов из дельты Сырдарьи, где произошло усыхание протоков, на которых располагались их поселения, на юг к границам Парфии. Освоение новой для скотоводов территории между земледельческими поселениями у северных предгорий Копетдага и южной границей коренных песков Каракум может быть происходило именно в связи с какими-то климатическими изменениями. Скотоводы расселяются на этой территории и поныне.

Строительство Великой Китайской стены, с 300 г. до н.э. ограждавшей земледельческие районы страны с севера и северо-запада от нападений кочевников, возможно, тоже маркирует произошедшие климатические изменения, которые вынуждали скотоводов-юэчжи искать новые земли даже в эпоху расцвета своего могущества. Эти же обстоятельства обострили или даже вызвали борьбу юечжей и сюнну за господство на пастбищных территориях.

Какова была продолжительность нового периода и каковы его более или менее определенные климатические характеристики – неясно. Исходя из археологических материалов из Средней Азии, Казахстана и юго-западной Сибири, можно предположить, что к рубежу эр установились достаточно стабильные природные условия, так как в большинстве областей четко фиксируется расцвет традиционных местных культурных общностей.

Не исключено, что к концу I тыс. до н.э. в силу климатических изменений сместилась к северу граница степей: в Южном Приуралье, – в обычных местах расположения погребений скотоводов IV–II вв. до н.э., – памятники первых веков н.э. встречаются очень редко и в небольшом количестве (сокращение их началось еще в I в. до н.э.).

Памятники саргатской культурной общности, традиционные для Западной Сибири и Прииртышья с IV в. до н.э. до IV в. н.э., связаны, как правило, с лесостепной зоной и показателем в данном случае не могут являться.

Экстраполируя современные данные на древность, следует обратить внимание, что исследователи отмечают большую зависимость ландшафтов и фаун Северного Приаралья от изменений увлажненности. Исследования, проводившиеся на широкой территории нижней Эмбы и Устюрта, северных Кызылкумов, низовьев Сырдарьи и Тугая и гор Мугоджар, в верховьях Уила, Эмбы и Иргиза, показали, что в периоды преобладания сухих и особенно очень сухих лет происходило опустынивание зональных ландшафтов и даже некоторое перемещение границы пустынной зоны к северу. Это сопровождалось слабым развитием растительного покрова, более короткими сроками весенней вегетации и полным отсутствием осенней – в сухие годы. В растительном покрове повышался удельный вес сухоустойчивых пустынных видов (полыни, солянки), сокращались популяции животных, некоторые из них вымирали.

В периоды повышенного увлажнения, когда увеличивается количество годовых и сезонных осадков, шла хорошая и продолжительная вегетация растительности, нередко возобновлявшаяся и осенью. Следствием общего хорошего состояния растительности было увеличение вегетативной массы и разнообразия ее (влаголюбивые полу-

пустынные и даже южностепные формы и группы, прежде всего злаки, ковыль, типчак). Зональные границы, особенно полупустыни, смещаются к югу.

Недавний период повышенной увлажненности сроком более 30 лет (1950–80-е годы) привел к значительным изменениям в природных условиях. Границы ареалов большого числа видов животных, четко среагировавших на климатические изменения, сдвинулись к югу от 100–120 до 200–300 км[42]. Все эти казалось бы частичные данные свидетельствуют о большой зависимости природных условий региона от малейших колебаний климата. В первую очередь изменяется растительный покров, от которого зависит хозяйство кочевников.

Внутривековые колебания увлажненности региона[43] бесспорно оказывали влияние на хозяйственную деятельность скотоводов, но не приводили к передвижению крупных масс населения, их циклы составляли около 25 лет и могли зависеть и от солнечной активности.

К IV в. н.э. наступает новый перелом в климатической ситуации. Климат, очевидно, был близок к «малой ледниковой эпохе» XV–XIX вв., так как реакция населения степного пояса была сходной: суровые климатические условия с понижением температур, их большой изменчивостью, суровыми зимами и резким усыханием, особенно в южных районах.

В Приаралье в IV–V вв. н.э. осушаются Присарыкамышская дельта Амударьи, Сарыкамыш и Узбой, население уходит с этой территории вообще.

В Центральной Азии в начале V в. происходит максимальное падение уровня воды в Тариме[44], активно усыхает и район озера Лобнор, процесс этот начался еще во второй половине III в.[45].

Вероятно, именно в связи с этими климатическими переменами шло активное перемещение сюнну-гуннов по степному поясу на запад, которое привело в движение угорские племена лесостепей (что обусловило, например, конец саргатской культуры). Началось «великое переселение народов». Часть этого смешанного массива племен оказала давление на население низовьев Сырдарьи (племена джетыасарской культуры), которое в свою очередь двинулось вверх по Сырдарье до западной Ферганы и привело в движение население Средней Сырдарьи (племена каунчинской культуры): оно продвинулось на запад вплоть до Амударьи и на юг до границ современного Афганистана. Естественно смещалось со своей территории не все население.

В то же время, в Центральной Азии кроме переселения гуннов на запад началось перемещение некоторых их групп в земледельческие районы Северного Китая. Некоторые косвенные данные свидетельствуют, что происходило это в IV–VI вв.

Следует напомнить, что усыхание дельтовой области Амударьи было значительным: следы жизни этого времени обнаруживаются только в Южной Акчадарьинской дельте, где поселения базировались на искусственном орошении. Нет и памятников скотоводов. Лишь с конца VII в. ситуация начинает постепенно меняться. В XI – начале XIII в. вновь наступает второй климатический оптимум (первый был в послеледниковый период). В Среднеазиатско-Казахстанском регионе происходит подъем кочевого скотоводства. Широко распространились поселения скотоводов на Сырдарье. Наступил расцвет среневекового Хорезма, в экономике которого большую роль играла торговля с кочевниками. В Приаралье – пошел новый сток воды в Присарыкамышскую дельту (Даудан и Дарьялык), постепенно заполняется Сарыкамыш. В XIII в. начинается сток воды в Узбой, который обводняется до конца XV в. и «обсыхает» в «малую ледниковую эпоху» – последующий климатический период с весьма суровыми условиями. В дельте Сырдарьи к XV в. прекращает существовать город Янгикент, а к концу этого века осушается Жаныдарья.

В «малую ледниковую эпоху», характеристику климата которой мы приводили выше, узбеки покидают степные районы на севере и переселяются в Мавераннахар, монголы появляются в Тибете, а калмыки, пройдя с войнами через Среднюю Азию и Казахстан, достигают низовьев Волги.

При изучении климата Приаралья вряд ли можно опираться на устанавливаемый современными исследователями режим Аральского моря и прежде всего на хронологию его трансгрессий, определяемых по его береговым террасам. Они объясняют причины трансгрессий довольно различно, а иногда приходят к резко полярным выводам. Например, «основные изменения уровня Аральского моря в течении последних тысячелетий... не связаны с климатом и были обусловлены блужданием устья Амударьи и, возможно, Сырдарьи»[46] или «Позднечетвертичные стадии развития Аральского моря в целом совпадают с важнейшими изменениями климата региона»[47]. Нам представляется, что приближение к истине находится посредине между этими выводами. Сопоставим факты. В Аральском море выделяется четыре надводные террасы, связанные с трансгрессиями моря. Возраст их оценивается следующим образом: древнеаральской в 4–5 тысяч лет (по А.Л. Яншину) или в 3 тысячи лет (по А.С. Кесь), новоаральской – около 2,5 тысяч лет и двух более поздних примерно в 1,5 и 0,5 тысяч лет[48]. К концу III тысячелетия до н.э. (возраст древнеаральской трансгрессии по А.Л. Яншину) происходит резкая аридизация климата и прекращается сток воды в Сарыкамыш и Узбой. На уровень моря могли оказать влияние оба фактора – и климатический, и резкое увеличение амударьинского стока в Арал. Ситуация с Сырдарьей в это время не очень ясна.

Завершение новоаральской стадии в истории можно связать с новым обводнением Присарыкамышской дельты, Сарыкамыша и Узбоя. Процесс этот, судя по большому количеству открытых и исследованных в 1970–1980-ые годы памятников, начинается в конце VIII – начале VII в. до н.э., а в V в. до н.э. уже идет регулярный сток в Узбой. Но к этому времени относят, – как мы отмечали выше, – и похолодание климата.

С V в. до н.э. до конца IV в. н.э. русла и дельты Амударьи функционируют довольно стабильно. За этот период как будто бы нет и резких изменений уровня моря.

Трансгрессию возрастом в 1,5 тысяч лет можно, очевидно, связать с прекращением стока по Узбою и полным осушением Присарыкамышской дельты. Но мы уже отмечали, что в это время происходит, вероятно, очень резкое изменение климата, приведшее к большим передвижениям кочевых племен в степном поясе и прилегающих к нему районах Азии.

Климатический оптимум 1000–1200 годов как будто бы не коррелируется с каким-либо четко фиксируемым уровнем моря.

Трансгрессия пятисотлетней давности сопоставима с прекращением средневекового стока в Узбой и наступлением «малой ледниковой эпохи». Начало же обводнения Узбоя не позднее конца XIII в. не получает отражения в истории Аральского моря.

Таким образом, трансгрессии Арала совпадают как с аридизацией климата, так и с его похолоданием, а сток в Узбой не всегда приводит к переменам в режиме моря.

Обращаясь к Каспийскому морю на западе региона, отметим, что вопрос о колебаниях его уровня часто связывается и с климатическими факторами[49]. Привлечение данных письменных или археологических источников[50] не способствовало прояснению этой проблемы.

В нашем распоряжении имеются археологические материалы из района низовьев Узбоя (проток Актам и северо-западный берег солончака Келькор), которые дают основание обратиться к вопросу об уровне Каспийского моря в некоторые исторические периоды. Археологические памятники из этого района относятся к трем эпохам: неолиту, древности (или античности) и средневековью. Памятники неолита и средневековья, как правило, встречаются в одинаковых условиях и часто в одном месте на берегах русла Актам и западном берегу современного солончака Келькор[51] бывшем в период обводнения Узбоя озером. Оно бывало пресным в условиях уровня Каспия ниже отметки –23 (отметка дна его к западу от г. Небитдаг) и соленым – при более высоком уровне моря[52]. Древность представлена памятниками местной культуры, ее материалы встречены только на западном берегу Келькора, отсутствуют на Актаме. На западном же берегу Келькора найдены большие скопления лепной керамики, сопровождаемые бронзовыми наконечниками стрел и украшениями из

металла и камня. Остатки очажных камней и зернотерки показывают, что перед нами следы древних поселений у береговой линии пресного озера, так как другой источник водоснабжения отсутствует. Некоторые из этих развеянных поселений расположены на останцах такыра, разрушенного и частично перекрытого барханными песками полуострова Дарджа. В непосредственном соседстве с одной из групп таких поселений был обнаружен и частично раскопан могильник Келькор 2[53], расположенный в 200–250 м от береговой линии древнего озера и в 12–13 км от истока русла Актам.

Возраст поселений может быть установлен по типам бронзовых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел в пределах V–II вв. до н.э. Фрагмент южного гончарного сосуда с подкосом подтверждает раннюю дату (V в. до н.э.). Погребения могильника разнотипны, инвентарь их – предметы вооружения, украшения – дает основание для даты от II в. до н.э. до III–IV вв. н.э., что и определяет общую дату заселения западного берега Келькора от V в. до н.э. до IV в. н.э. Периоду этого освоения территории предшествовало образование такыров. Общая толщина глинистых наслоений, судя по реконструируемой глубине разрушенных погребений, вряд ли превышала один метр. Такыр подстилает песок. Все находки неолита в этой зоне были сделаны у берега Келькора в полосе до могильника на небольших песчаных возвышениях или в котловинах выдувания, часто вблизи разрушенных такыров. На такырах неолитических находок не зафиксировано, а средневековые встречаются. Все это позволяет предположить, что между концом III тыс. до н.э. (эпоха неолита) и V в. до н.э. в этом районе были периоды сильного обводнения за счет поднятия уровня Каспия, когда и образовалась небольшая толща такыров. В этот период Узбой не имел стока. Современные массивы песков на западном берегу Келькора появились после IV в. н.э., а в ряде мест, возможно, и после XV в.

В период обводнения Узбоя по данным А.С. Кесь сток воды в Каспий из Келькора шел по протокам Актам и Аджаиб[54]. Этот вывод бесспорен для эпохи неолита и средневековья. В античности же, судя по топографии археологических находок, Актам был затоплен морскими водами, уровень которых, очевидно, не превышал отметок, близких к –23, так как в противном случае на месте Келькора был бы морской залив, на берегу которого не было бы условий для жизни людей. Очертания Балханского залива в зависимости от уровня моря по картам XVIII в. исследовала Н.Г. Комарова[55]. На основании сопоставления с современными картами она определила уровень моря на картах Т. Вудруфа (1745 г.) на отметке около –23 и на картах М. Войновича (1781 г.) около –22 (наивысшая для того времени отметка). Для нас существенно, что на последней карте видно, что каспийские воды уже заливали поверхность солончака Келькор. Это подтверждает наш вывод о том, что поселения на западном берегу Келькора могли существовать при уровне Каспия только ниже отметки –23, но не намного ниже, так как Актам должен был быть морским заливом. Очевидно, что, судя по картам XVIII в., подобные условия были в 1760-х годах (карта И.В. Токмачева). По данным Н.Г. Комаровой это соответствует уровню моря –24, –24,5 м. Нельзя исключать и временного заполнения Келькора при поднятиях уровня моря, так как протяженность исследуемого периода велика.

Мы можем проверить наши выводы независимыми от нас данными геоморфологов. На основании анализа гипсометрического положения моллюсков с разных участков побережья Каспия, для которых определены радиоуглеродные датировки, они построили кривую колебаний уровня моря[56]. Для периода неолита, когда происходил сток воды по Узбою, отмечен очень низкий уровень Каспия (около –40 м), это объясняет заселение берегов Актама и глубоко врезанное в дно Каспия его русло. С повышением во II тыс. до н.э. уровня моря до –20 м, когда затоплялись морской водой Келькор, а также, очевидно, и низкие части полуострова Дарджа, может быть связано начало образования такыров на западном берегу современного солончака. Позднее на них появились так называемые «античные» поселения и могильники. Процесс такырообразования, несомненно, сопровождался и резкими падениями уровня Каспия и осушением затопляемых территорий. Для периода «античных» поселений предпола-

гается уровень моря близкий к –23, что совпадает с нашими выводами, предложенными на основе топографии поселений. Геоморфологи считают, что наиболее стабильным уровень моря был во II–IV вв., предполагаемое ими сильное падение его около III в. до н.э. и на рубеже н.э. соответствий в археологическом материале пока не имеют. Для средневекового периода характерны резкие колебания уровня Каспия, на XIV в., в частности, приходится период его резкого падения, что соответствует существованию пресноводного русла Актам.

Исходя из приведенных материалов, можно констатировать, что уровень Каспийского моря в «античности» большей частью находился на отметке около –23, что дало нам основание реконструировать береговую линию его восточного побережья. При этом уровне море распространялось на шор (солончак) Мертвый Култук к северу от полуострова Бузачи (ометка –25). Очевидно, так же были покрыты морскими водами и пониженные части полуострова Бузачи, сохранялся, вероятно, лишь небольшой перешеек соединявший его с плуостровом Мангышлак. Все это довольно существенно изменяло географическую ситуацию в Северо-Восточном Прикаспии. На широте современного Комсомольского залива резко увеличивалась ширина моря, промежуток между Каспием и Аралом на плато Устюрт достигал примерно 250 км. Отмеченный довольно высокий стабильный уровень Каспия в период «античности» можно считать одной из фаз новокаспийской трансгрессии[57]. По данным географов колебания уровня Каспийского моря имеют климатическую природу, при этом с трансгрессиями связаны более влажные и прохладные эпохи, хотя существенных изменений растительного покрова могло и не происходить[58]. Особый интерес для нас представляет вывод географов о том, что «при определенном сочетании климатических и гидрологических условий высота уровня Каспия в пределах отметок –23, –20 была наиболее благоприятной в том отношении, что площадь моря при этом достигала размеров, при которых суммарное испарение компенсировало избыток поступающих в Каспий масс воды»[59]. Вероятно, именно это состояние устойчивого равновесия было характерно для периода древности.

Совпадение уровня моря в XVIII в. и в древний период дает, как нам представляется, основание для вывода о том, что сток по Узбою не оказывал существенного влияния на уровень моря[60].

Таким образом и материалы по Восточному Прикаспию подтверждают заключение о стабильности общей климатической ситуации в древности (или по другой терминологии – «античности») и ее существенном отличии от современного состояния. В эпоху средневековья период климатического оптимума был довольно коротким и менее устойчивым. Выявить какие-то общие климатические циклы по имеющимся материалам не представляется возможным.

Примечания

[1]*Бабаев А.Г., Фрейкин З.Г.* Пустыня СССР вчера, сегодня, завтра. М., 1977; Средня Азия – природные условия и естественные ресурсы. М., 1968.

[2]*Андрианов Б.В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

[3]*Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. // Соч., т. 3. М., 1965, там же см. литературу.

[4]*Берг Л.С.* Климат и жизнь. М., 1947, С. 68 и сл.; *Марков К.К.* Высыхает ли Средняя и Центральная Азия? // Очерки по географии четвертичного периода. М., 1955; *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948, С. 43–56; *Андрианов Б.В.* Указ. раб. С. 48 и сл., 231 и сл.

[5]*Андрианов Б.В.* Указ. раб.

[6]Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения человеком // Материалы Хорезмской экспедиции (далее – МХЭ). Вып. 3. М., 1960.

[7]Эти материалы отражены в ряде работ: *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962; *Андрианов Б.В.* Указ. раб.; *Андрианов Б.В., Итина М.А., Кесь А.С.* Земли древнего орошения в низовьях Сырдарьи и задачи их освоения // Вопросы географии, Сб. № 99. М., 1975, с. 147–156; *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993. С. 7–15.

[8]Низовья Амударьи... С. 319, 343–347.

[9]См. *Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70–80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Вып. I. М., 1991. С. 5–109; *ее же.* История обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис. Историко-географическая ретроспектива. М., 1991. С. 123–141; *ее же.* Новые материалы к истории западных районов Хорезма в XIV–XVI вв. // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С. 122–138; *Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986. С. 179 и сл.

[10]*Юсупов Х.* Указ. раб.; Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Серия «Археология СССР»). М., 1982. С. 122 и сл.

[11]*Андрианов Б.В.* Указ. раб. С. 125.

[12]Там же. С. 164 и сл.

[13]*Вайнберг Б.И.* Разведочные работы в Присарыкамышской дельте Амударьи // Археологические открытия (далее – АО) 1982 г. М., 1984. С. 486–487; *ее же.* Изучение памятников Присарыкамышской дельты. С. 46 и сл.

[14]*Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М., 1976. С. 48 и сл.; *Яблонский Л.Т., Болелов С.Б.* Могильник Ясы-гыр 4 в Присарыкамышье: погребальный обряд и антропология // Новые открытия в Приаралье. Материалы к археологической карте. Вып. 2. М., 1991. С. 3 и сл.

[15]О стоках по Суяргану см. *Андрианов Б.В.* Указ. раб. С. 127.

[16]*Сорокина Р.Я., Ягодин В.Н.* Развитие гидрографической сети Приаральской дельты в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 201. Авторы вслед за С.П. Толстовым объясняют отсутствие памятников в Приаральской дельте стоком в Узбой, что не подтверждается современными материалами.

[17]*Вайнберг Б.И.* Новые материалы к истории западных районов Хорезма; *ее же.* Изучение памятников Присарыкамышской дельты. С. 71 и сл.

[18]*Вайнберг Б.И.* Изучение памятников...

[19]*Юсупов Х.* Приузбойские туркменские племена XIV–XV вв. Ашхабад, 1975.

[20]*Вайнберг Б.И.* К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме // Сов. этнография. 1959. № 5. С. 31–45; *Андрианов Б.В.* Указ. раб. С. 180.

[21]Низовья Амударьи... С. 346.

[22]*Толстов С.П., Кесь А.С.* Проблема древнего течения Амударьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных // Материалы ко второму съезду Географического общества СССР. М., 1954. С. 141–145; *Кесь А.С.* Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии (далее – КСИЭ). Вып. 30. С. 7–12.

[23]*Герасимов И.П.* Осовные черты развития современной поверхности Турана // Тр. Ин-та географии АН СССР. Вып. 25. М., 1937; *Федорович Б.А.* Древние реки в пустынях Турана // Материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. 3. М.; Л., 1950.

[24]Казахстан (серия «Советский Союз»). М., 1970, С. 325 и сл.

[25]*Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Соч. Т. III, приложение. М.; Л., 1953; *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен в Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 65 и сл.

[26]Казахстан. С. 18–19.

[27]Там же. С. 58–59, 66–67.

[28]*Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Конец XIX – нач. XX вв. Алма-Ата, 1968.

[29]*Андрианов Б.В.* Указ. раб.

[30]*Левина Л.М., Галиева З.С.* Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов в урочище Джетыасар // Джетыасарская культура. Часть I. Склепы. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. М., 1993. С. 6 и сл.; *их же.* Культурный ландшафт юго-западной части джетыасарского урочища // Джетыасарская культура. Часть II. Могильники Томпакасар и Косасар. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. М., 1993. С. 5 и сл.; *их же.* Культурный ландшафт восточной части джетыасарского урочища // Джетыасарская культура. Часть V. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. М., 1995. С. 5 и сл.

[31]*Бартольд В.В.* Соч. Т. 3. М., 1965. С. 493.

[32]*Гриббин Дж., Лэм Г.Г.* Изменение климата за исторический период // Изменение климата. [под ред. Дж. Гриббина, пер. с англ.]. Л., 1980. С. 102–121; *Хотинский Н.А.* Три типа изменений климата Северной Евразии в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 5–12; *Мамедов Э.* Изменение климата среднеазиатских пустынь в голоцене // Там же. С. 170–175; *Шнитников А.В.* Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969.

[33]См. например, *Квасов Д.Д.* Палеолимнология Арала // Колебания увлажненности... С. 181 и сл.

[34]*Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности: Ландшафт и этнос IV // Вестник ЛГУ, 1966, № 6; *его же.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века: Ландшафт и этнос V //

Вестник ЛГУ, 1966, № 18; *его же*. История колебаний уровня Каспия за две тысячи лет // Колебания увлажненности... С. 32–47.

[35]*Гумилев Л.Н.* История колебаний... С. 35.

[36]Там же. С. 34–35.

[37]См. статьи в сб. "Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене", например, раздел "Бассейн Каспийского моря".

[38]*Гумилев Л.Н.* Место исторической географии в системе востоковедческих наук // Народы Азии и Африки. 1970, № 1.

[39]*Гумилев Л.Н.* История колебаний... С. 35.

[40]*Гриббин Дж., Лэм Г.Г.* Указ. раб. С. 104 и сл. Выводы этих авторов основаны на данных из Европы и Ближнего Востока и сопоставлены с материалами из южного полушария.

[41]*Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. М., 1989.

[42]*Варшавский С.Н.* Изменения увлажненности северного Приаралья в последние полтора столетия и их влияние на ландшафты и фауну // Колебания увлажненности... С. 210–214.

[43]*Шнитников А.В.* Внутривековые колебания уровня степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана и их зависимость от климата // Труды Лаборатории озероведения АН СССР. Т. I. М.; Л., 1950. С. 18–129; *его же*. Внуривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Критику в адрес А.В. Шнитникова по поводу материалов из Приаралья см.: *Андрианов Б.В.* Указ. раб. С. 48–49; *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977. С. 32–34.

[44]Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 272, см. там же литературу.

[45]Там же.

[46]*Рубанов И.В.* Геологические и исторические свидетели колебаний уровня Арала // Колебание увлажненности... С. 25.

[47]*Вейнберг И.Г., Стелле В.Я.* Позднечетвертичные стадии развития Аральского моря и их связь с изменениями климатических условий этого времени // Там же. С. 180.

[48]*Рубанов И.В.* Указ. раб. С. 205, там же основная литература вопроса; ср. *Мамедов Э.Д., Трофимов Г.И.* Голоценовые плювиальные озера пустынь Закаспия // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 55. М., 1986. С. 106.

[49]*Аполлов Б.А.* Каспийское море и его бассейн. М., 1956; *Берг Л.С.* Уровень Каспийского моря за историческое время // Проблемы физической географии, 1934, № 1; *Крицкий С.Н., Коренистов Д.В., Раткович Д.Я.* Колебания уровня Каспийского моря. М., 1975; Колебания увлажненности...

[50]Колебания увлажненности...; *Гумилев Л.Н.* Хазария и Каспий: Ландшафт и этнос I // Вестник ЛГУ, № 6, 1964.

[51]Низовья Амударьи... С. 290 и сл. и карта; *Вайнберг Б.И., Юсупов Х.Ю.* Археологические исследования в Западной Туркмении // АО 1969 г. М., 1970; *их же*. Новые памятники в западной Туркмении // АО 1983 г. М., 1985.

[52]Низовья Амударьи... С. 288.

[53]*Вайнберг Б.И., Юсупов Х.Ю.* Новые памятники в западной Туркмении. С. 548.

[54]Низовья Амударьи... С. 288–290.

[55]*Комарова И.Г.* К вопросу изучения колебаний уровня Каспийского моря в голоцене по историческим данным // Колебания увлажненности... С. 157.

[56]*Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К.* Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене–голоцене // Там же. С. 79 и сл., вклейка.

[57]*Федоров П.В.* О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала // Там же. С. 19.

[58]Там же. С. 20; *Абрамова Т.А.* Изменения увлажненности Каспийского региона в голоцене по палинологическим данным // Там же. С. 71 и сл.

[59]*Леонтьев О.К., Чекалина Т.И.* Колебания уровня Каспийского моря в голоцене // Там же. С. 98.

[60]Ср. *Гумилев Л.Н.* История колебания Каспия за две тысячи лет. С. 36 и сл.

Environments in the Aral region during the ancient times and middle ages

Such problems, as aridization of Central Asia, searching for the old influx of Amu Darya into the Caspian Sea, cyclic sea level oscillations of the Caspian and Aral Sea, etc. were under discussion among scitntists during the whole XX century. These subjects constituted one of the main research direction of the Khorezm expedition. The joint, several decades work of archaeologists and geographers resulted in a new chronology of hydrographic evolutions of the Caspian Sea, the Amu Darya delta and Uzboi; the general paleogeographic map of the Syr Darya delta has been also

constructed. All these reconstructions, along with archaeological data on the ancient migrations, enabled the author to elaborate a general picture of climate changes in Central Asia. The climatic oscillation should be taken into consideration while studying the political and cultural history of this region.

B.I. Veinberg

© 1997 г., ЭО, № 1

Е.Е. Неразик

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ХОРЕЗМЕ

Первая характеристика раннесредневекового периода истории и культуры Хорезма IV–VIII вв. н.э. была дана С.П. Толстовым в 1948 году[1], и к моменту опубликования его последней обобщающей монографии "По древним дельтам Окса и Яксарта" претерпела не много изменений. Сравнительно небольшие в то время, но очень выразительные археологические материалы из Хорезма позволили ему определить IV–V вв. как время упадка экономики и культуры страны, городов и городских ремесел, сокращения ирригационной системы и орошаемых площадей. В классификации культур Хорезма периоду IV–V вв. было посвящено всего несколько строчек, так как ни одного памятника данного времени тогда еще раскопано не было.

В VII–VIII вв., согласно концепции С.П. Толстова, экономика страны постепенно стабилизируется, но уже на новой основе зарождающихся феодальных отношений. Культура резко меняется, особенно к концу периода, причем на ее развитие в значительной мере повлияло степное окружение. Именно в "варварских элементах" периферии Хорезма, по мнению исследователя, следует искать истоки ряда керамических форм и некоторых сооружений типа донжонов – жилых башен раннесредневековых замков[2].

Выводы С.П. Толстова нашли широкую поддержку исследователей древней истории Средней Азии в 50–60-х годах, а яркие хорезмийские материалы на фоне малого количества сведений о других среднеазиатских районах были приняты в качестве эталонных[3].

В дальнейшем, особенно в 70–80-е годы, изучение археологических памятников Средней Азии IV–VIII вв. приобрело довольно широкий размах. Можно сказать, что интерес к исследованию данной эпохи заметно возрос, а масштабы раскопок сельских поселений и городов превысили степень изучения памятников других периодов – может быть, еще и потому, что монументальные постройки раннего средневековья гораздо лучше сохранились. Эти работы внесли много нового в представление о раннесредневековой Средней Азии и заметные коррективы в кратко очерченную выше концепцию. Особенно важны в данной связи раскопки Пенджикента, где вскрыто более двух третей всей площади. В свете документов с горы Муг они позволили многосторонне исследовать городское общество Согда, его структуру, взаимодействие с сельским населением, поставить вопросы о континуитете согдийского города и – шире – согдийской культуры[4]. Совершенно по-иному теперь открывается исследователям сам город, ранее представлявшийся совокупностью жилищ феодалов с их слугами, где якобы только еще зарождалась прослойка свободных ремесленников[5]. В общих типологиях сельских поселений Средней Азии IV–VIII вв. нашли отражение и хорезмийские данные, с трактовкой которых, впрочем, не всегда можно согласиться[6].

Осмысление накопившегося материала разделило исследователей на сторонников и противников версии о кризисе IV–V вв.[7], хотя, по нашему мнению, новые сведения отнюдь не поколебали утверждения, что в этот период произошел упадок многих